РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 51. 18-го Декабря 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ достав и въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи.

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Окончаніе.)

ПАННА ЮЗЕФА сейчасъ-же узнала этотъ домъ. Онъ принадлежалъ Валерьяну Дмитріевичу Тропинину и здѣсь, между прочимъ, была небольшая литографія, поставлявшая ярлыки на фабрику Тропинина. Остальное населеніе дома составлялъ торговый и мастеровой людъ. Со стороны улицы два этажа были заняты магазинами.

Пыжъ повернулъ въ ворота этого дома.

— Развѣ здѣсь?—спросила панна Юзефа, нагоняя его въ воротахъ.

— Здѣсь! — отвѣтилъ Пыжъ.

Имъ повстрѣчался дворникъ и, узнавъ панну Юзефу, поклонился ей.

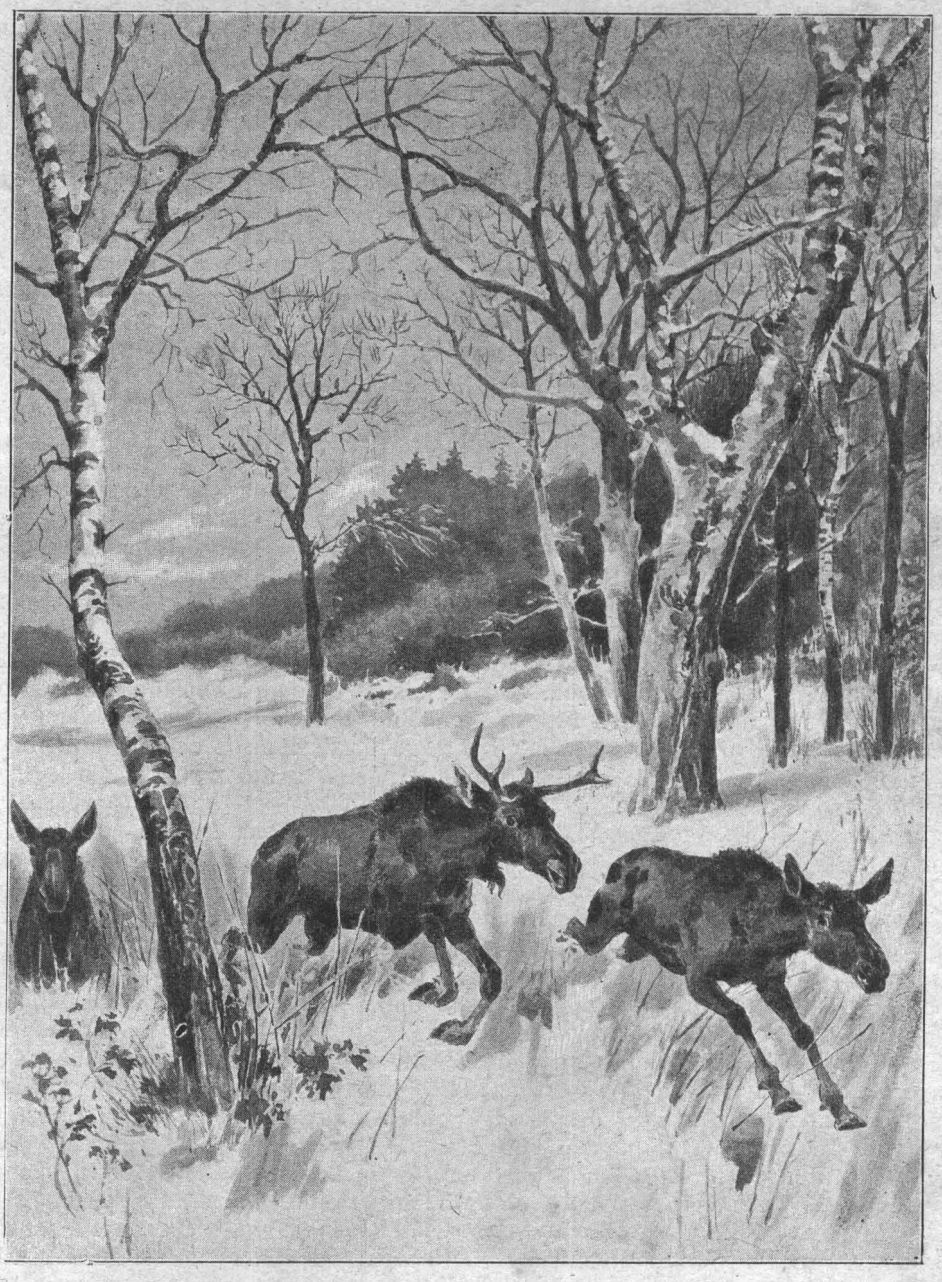
Это окончательно убѣдило ее, что она въ полной безопасности и можетъ слѣдовать за Пыжомъ.

Они перешли большой первый дворъ, миновали вторыя ворота, затѣмъ, черезъ второй дворъ и маленькій, узкій закоулокъ, очутились у двери въ тотъ самый подвалъ, гдѣ проживалъ у Пыжа Корецкій и куда они проникали съ другой стороны черезъ огородъ и заборъ.

Хотя панна Юзефа и чувствовала себя въ безопасности, потому что этотъ домъ принадлежалъ Валерьяну Дмитріевичу Тропинину, но все-таки ея сердце сжалось, когда она входила въ подвалъ.

Войдя, она увидѣла лежавшаго на топчанѣ Корецкаго, покрытаго новымъ байковымъ одѣяломъ.

У его изголовья стояла табуретка со стклянками разныхъ медикаментовъ.



ИСПУГАЛИСЬ. Оригин. рисун. **Э. Сулиманъ-Грудзинскаго.**

Сканировал reduktorer rutracker.org

Корецкій былъ очень блѣденъ. Голова его неподвижно лежала на подушкѣ. Подушка была удобная, съ чистой хорошей наволочкой.

Эта чистота постели и медикаменты нѣсколько успокоили панну Юзефу.

Она не успѣла еще рѣшить, какъ было-бы лучше: чтобы ушелъ провожатый, приведшій ее сюда, или, напротивъ, остался. Но Пыжъ самъ рѣшилъ этотъ вопросъ: онъ ушелъ.

Панна Юзефа оглянулась и увидѣла, что она одна съ Корецкимъ въ подвалѣ.

Въ это время Корецкій открылъ глаза, взглянулъ на панну Юзефу и узналъ ее.

Мертвенная блѣдность его лица дѣлала это лицо болѣе симпатичнымъ и похожимъ на то, какимъ его знала Юзефа. Губы его судорожно шевельнулись и онъ не сразу, съ усиліемъ выговорилъ:

— Умру...

— Что съ вами? — спросила его панна Юзефа,— что все это значитъ? Почему вы лежите? почему эти лекарства?..

— Это значитъ, что я умру!

— Но, вѣдь, вчера еще я видѣла васъ... вы были здоровы?

— А сегодня... вотъ...—и онъ не договорилъ.

— Что-же случилось?..

— Одинъ ударъ ножа—и все...

— Вы ранены?

— И, говорятъ, на смерть!.. да и самъ я это чувствую... Я поэтому и призвалъ васъ... Спасибо, что пришли...

— Я не знала, что съ вами случилось несчастье! Я думала, что вы меня зовете для дочери!

— Да!.. я васъ и призвалъ для дочери... именно для нея!.. Мы съ вами были плохіе родители, панна Юзефа... я былъ дурной отецъ... вы были мать еще хуже... Впрочемъ, можетъ быть, и я былъ хуже... но бѣдная дѣвочка, чѣмъ-же она виновата?! Хорошо еще, что нашелся добрый человѣкъ, который пріютилъ ее, взростилъ... полюбилъ... и пожалѣлъ!.. А, вѣдь, безъ него пропала-бы она... панна Юзефа!.. И какъ вы мнѣ тогда подкинули ее?..

— Ну, оставимъ прошлое!—остановила его панна Юзефа.

— Да... оставимъ!.. — продолжалъ Корецкій. — Надо спѣшить... о настоящемъ... и о будущемъ.. въ будущемъ вы уже не оставляйте ея... заботьтесь о ней!.. заслужите предъ нею свою и мою вину... потому что я уже не смогу это сдѣлать!.. Со мной уже кончено!.. Пусть она не очень... того... клянетъ своего отца... а главное... пусть никогда она не узнаетъ... что ея отецъ... былъ виноватъ... Да и не былъ я виноватъ, я, вѣдь, помогалъ только!.. Правда, я кинулся къ ея велосипеду... и сбилъ ее... но онъ задушилъ ее!.. онъ ее убилъ!.. а потомъ... мы вмѣстѣ отнесли ее къ рѣкѣ.

Панна Юзефа нагнулась къ Корецкому.

Она ничего не понимала, не могла уловить связь въ его словахъ и думала, что у него начинается болѣзненный бредъ.

— Да! да! хорошо! — проговорила она. — Только какой велосипедъ? про кого это вы?..

— Да! вы этого еще не знаете, но я уже признался во всемъ и все разсказалъ: Ромуальдъ-Костровскій не виноватъ!.. я про вашу воспитанницу говорю... про дочь фабриканта Тропинина...

Панна Юзефа глубоко забрала въ себя воздухъ, вытянулась и почти безумными глазами уставилась на Корецкаго. Блѣдная, какъ смерть, она задвигала посинѣвшими губами, задергала головой и замахала рукой, какъ-будто хотѣла отстранить отъ себя что-то надвигавшееся на нее.

— Нѣтъ!—отступая, судорожно захрипѣла она,— нѣтъ!.. Ты убилъ свою дочь... свою дочь... Вѣдь, это была не Тропинина, а твоя и моя дочь... Я подмѣнила ребенка... и ты... ты... отецъ... убилъ ее...

Она зашаталась, упала на землю и стала биться въ страшныхъ истерическихъ рыданіяхъ, перемѣшанныхъ съ дикимъ, отчаяннымъ хохотомъ.

Дверь въ боковой стѣнѣ подвала отворилась и изъ нея вышли Пыжъ, Козодавлевъ-Рощининъ, камердинеръ Власъ Михайловичъ и Валерьянъ Дмитріевичъ Тропининъ. Онъ, стоя рядомъ, за дверью, слышалъ все!..

Козодавлевъ-Рощининъ достигъ своего вполнѣ. Онъ представилъ Тропинину полное и неоспоримое доказательство, что его дочерью была не убитая и похороненная Лиза, а живая и благополучно здравствовавшая Маничка.

XL.

Да, это сдѣлалъ Козодавлевъ-Рощининъ и не кто другой, какъ онъ, нашелъ тайну запутаннаго дѣла.

Если кто-нибудь раньше уже сдѣлалъ то, что было невдомекъ Корецкому, т. е., узналъ въ оборванцѣ Ершѣ комика Козодавлева-Рощинина, тотъ не ошибся.

Оборванецъ Ершъ былъ не кто иной, какъ переодѣтый Козодавлевъ-Рощининъ, а его товарищъ Пыжъ—актеръ-простакъ Волпянскій, съ которымъ Рощининъ подружился и сблизился послѣ того, какъ они вмѣстѣ ходили покупать пять пудовъ синей краски.

Роли у нихъ были распредѣлены такимъ образомъ, что, пока Козодавлевъ-Рощининъ, подъ видомъ Ерша, ходилъ и распутывалъ запутанныя нити сложнаго дѣла, Волпянскій, въ качествѣ Пыжа, долженъ былъ наблюдать за Корецкимъ и въ случаѣ чего оберегать отъ него Маничку.

Онъ это и сдѣлалъ съ удивительною находчивостью, когда одурачилъ не только Корецкаго, но и панну Юзефу.

Пришедшій ему въ голову разсказъ про „глазъ“, т. е., про сыщика, и комедія, разыгранная якобы на проходномъ дворѣ, были положительно геніальны.

Онъ, вѣдь, и городъ-то зналъ мало, и завелъ Корецкаго на первый попавшійся дворъ, который вовсе и не былъ проходнымъ.

Онъ мастерски разыгралъ свою роль и все предусмотрѣлъ, до мелочей, даже подвязанную щеку, повязка на которой ему была нужна для того, чтобы (всего можно было ждать) въ случайной дракѣ не свалилась искусственная бородка, какъ это случилось въ послѣдній моментъ у Ерша.

Впрочемъ, Ершу не представлялось необходимости брать такія предосторожности, потому что онъ не былъ въ такомъ постоянномъ общеніи съ оборванцемъ Корецкимъ, какъ Пыжъ.

Козодавлевъ-Рощининъ появлялся, переодѣтый Ершомъ, лишь тогда, когда это было необходимо, но дѣйствовалъ также и подъ своимъ собственнымъ видомъ комика-актера.

Въ ночлежномъ пріютѣ стащилъ у Коредкаго вексель тоже онъ, Козодавлевъ-Рощининъ, а вовсе не сыщикъ, какъ говорили они это Корецкому, чтобы подѣйствовать на его трусость и держать его этимъ въ своихъ рукахъ.

Послѣ своего разговора со слѣдователемъ, Рощининъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно и обратиться къ властямъ только тогда, когда все уже будетъ достаточно выяснено.

Онъ позвалъ къ себѣ въ п собники своего брата-актера Волпянскаго и тотъ согласился помогать ему, разумѣется, совершенно безкорыстно, главнымъ образомъ, изъ любви къ искусству, чтобы провѣрить себя, достаточно-ли хорошо онъ играетъ на сценѣ, провѣрить, разыгравъ довольно сложную роль въ жизненной драмѣ.

Превращались они въ Ерша и Пыжа на сценѣ, при помощи парикмахера, работавшаго въ театрѣ и посвященнаго въ тайну.

Былъ еще человѣкъ, посвященный въ эту тайну, — камердинеръ Тропинина Власъ Михайловичъ. Ему Козодавлевъ-Рощининъ открылся послѣ своего посѣщенія Тропинина, когда его поразило сходство Манички съ портретомъ.

Оказалось, что Власъ Михайловичъ и раньше, не имѣя никакихъ еще данныхъ, только по одному чутью, зная, какова была убитая Лиза, смутно подозрѣвалъ, что не могла уродиться такая дочь у Валерьяна Дмитріевича, человѣка безукоризненнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и его кроткой жены.

Когда Козодавлевъ-Рощининъ сообщилъ ему свои соображенія и тѣ данныя, еще не ясныя, которыя онъ имѣлъ въ пользу ихъ, Власъ Михайловичъ изъявилъ готовность содѣйствовать выясненію истины, условившись съ Козодавлевымъ-Рощининымъ открыть ее Тропинину только тогда, когда никакихъ сомнѣній уже не будетъ.

Съ тѣхъ поръ онъ въ домѣ слѣдилъ за панной Юзефой и не зря приходилъ самъ, чтобы сообщить ей о приходѣ Корецкаго. Онъ постоянно сносился съ Рощининымъ и давалъ ему знать, что происходило въ домѣ, а тотъ, въ свою очередь, говорилъ ему о томъ, что приходилось узнать ему.

Благодаря-же Власу Михайловичу, было устроено и помѣщеніе въ подвалѣ, который служилъ якобы жилищемъ мнимому Пыжу.

Этотъ подвалъ находился на задахъ одного изъ домовъ, принадлежащихъ Валерьяну Дмитріевичу, и управляющій домомъ, поставленный кстати на свое мѣсто Власомъ Михайловичемъ и приходившійся племянникомъ ему, конечно, безпрекословно исполнилъ все, что приказалъ ему дядя, отвелъ подвалъ и строго-настрого запретилъ дворникамъ не только безпокоить чѣмъ-бы то ни было поселившихся тамъ жильцовъ, но и показываться къ нимъ.

Домъ былъ старинный, или, вѣрнѣе, старинной постройки, еще XVIII-го вѣка; въ немъ былъ надворный флигель, гдѣ помѣщался подвалъ. Когда-то онъ принадлежалъ, должно быть, какому-нибудь массону или члену какого-нибудь другого тайнаго общества. Это было очевидно по потайной лѣстницѣ, сохранившейся изъ верхняго этажа флигеля въ подвалъ.

Эта лѣстница пригодилась теперь и сослужила свою службу. По ней спустились Ершъ и Пыжъ, чтобы, притаясь за дверью, услыхать разговоръ Корецкаго съ барономъ.

Они слышали весь этотъ разговоръ, конецъ котораго былъ такъ неожиданно поспѣшенъ, что они не могли придти вполнѣ во-время на помощь Корецкому.

Къ властямъ обратились они только тогда, когда рана, нанесенная „барономъ“ Корецкому, дѣлала невозможною дальнѣйшую тайну.

Впрочемъ, тайна уже была тогда не необходима, потому что дѣло представлялось вполнѣ выясненнымъ.

Козодавлевъ-Рощининъ отправился за докторомъ, привезъ его и сейчасъ-же поѣхалъ къ полицеймейстеру и судебному слѣдователю.

Онъ засталъ ихъ въ клубѣ и разсказалъ имъ все.

Немедленно-же былъ снятъ допросъ съ Корецкаго, которому докторъ вернулъ сознаніе, и было отдано распоряженіе объ арестѣ барона и Минны.

Корецкій далъ вполнѣ чистосердечное показаніе.

XLI.

Арестованный „баронъ“, т. е., Степанъ Тропининъ, оказался по антропометрическимъ даннымъ судившимся уже, сосланнымъ въ Сибирь и бѣжавшимъ оттуда, такъ что, кромѣ послѣдняго убійства дѣвушки, у него уже были давнишніе счеты съ правосудіемъ.

Рижская мѣщанка Минна Францовна Кукольгамъ судилась, какъ его пособница.

Галактіону Корецкому не пришлось фигурировать на судѣ: онъ умеръ отъ полученной имъ раны прежде, чѣмъ кончилось даже слѣдствіе по дѣлу. Такимъ образомъ, принявъ Божью кару, онъ избѣгъ людского возмездія за свою вину...

Избѣжала также земного правосудія и его бывшая сожительница, панна Юзефа, но Провидѣніе наказало ее: послѣ страшнаго припадка, поразившаго Юзефу у одра умирающаго Корецкаго, она уже не приходила въ себя и мало-по-малу впала въ помѣшательство. Она сидѣла цѣлый день и нянчила завернутое въ тряпку полѣно, обращаясь къ нему со всякими ласкательными наименованіями, и говорила, что это—ея дочь.

„Безнадежный“ трагикъ Ромуальдъ-Костровскій въ тюремномъ лазаретѣ вылечился отъ припадка бѣлой горячки, во время котораго онъ сдѣлалъ свое несуразное признаніе въ убійствѣ. Его освободили, какъ совершенно невиновнаго и не причастнаго къ дѣлу.

Антрепренеръ Антонъ Антоновичъ намѣревался было вычесть у него изъ жалованья за все время невольнаго пребыванія его въ заключеніи, но публика такъ повалила въ театръ, чтобы посмотрѣть на невинно пострадавшаго артиста, что онъ потребовалъ и добился отъ антрепренера прибавки...

Но такой шумной оваціи, какая была устроена публикой Козодавлеву-Рощинину и простаку Волпянскому, когда они появились на сценѣ въ первый разъ послѣ тропининскаго дѣла, не было, кажется, никогда. Залъ стоналъ, хлопалъ, стучалъ, ревѣлъ отъ восторга; на нихъ сыпались цвѣты, вызывали ихъ безчисленное множество разъ...

Сезонъ, хотя и лѣтній, вышелъ для антрепренера по сборамъ блестящимъ. Онъ уѣхалъ изъ города со значительной суммой чистаго барыша...

Валерьянъ Дмитріевичъ Тропининъ заболѣлъ послѣ перенесенныхъ имъ потрясеній. Его болѣзнь была „на нервной почвѣ“, какъ говорили лечившіе его доктора. Онъ поправлялся медленно и своимъ выздоровленіемъ былъ обязанъ не столько врачебнымъ средствамъ, хотя, разумѣется, недостатка въ нихъ не было, сколько уходу не разлучавшейся съ нимъ дочери... Съ нимъ была его дочь, его единственная, любимая.

Прошло пять лѣтъ.

На заграничномъ дорогомъ курортѣ, куда съѣзжаются люди, собственно, не для того, чтобы лечиться, а для того, чтобы весело и пріятно провести время, все общество не могло не обратить вниманія на удивительно милую русскую семью, занимавшую лучшее помѣщеніе въ лучшемъ и самомъ дорогомъ отелѣ.

Семья состояла изъ почтеннаго дѣдушки, пившаго воды больше для порядка, но въ сущности вполнѣ

бодраго и веселаго, добродушнаго дяди, вѣчно возившагося съ ребятами даже чужими и накупавшаго имъ лакомства и всякихъ бездѣлушекъ, молоденькой женщины, ея мужа и двухъ ихъ дѣтокъ—мальчика и дѣвочки...

Эта семья жила такъ дружно, ихъ жизнь была такъ полна, что они не знакомились и не сходились ни съ кѣмъ.

Любопытные, справлявшіеся въ курортномъ листкѣ, гдѣ помѣщался списокъ всѣхъ пріѣзжавшихъ, читали тамъ:

„Валерьянъ Тропининъ изъ Россіи, коммерсантъ; Козодавлевъ-Рощининъ, артистъ“; затѣмъ стояла одна изъ старинныхъ русскихъ дворянскихъ фамилій съ приставкою „фонъ“ и прибавкою „съ женою и семействомъ“...

Женою этою была Маничка, дочь Валерьяна Дмитріевича, а ея мужъ былъ не кто иной, какъ бывшій простакъ Волпянскій, взявшій это имя псевдонимомъ для сцены, а на самомъ дѣлѣ принадлежавшій къ старинному роду. Онъ покинулъ театръ, бросилъ привычку говорить иностранныя слова, которую, впрочемъ, привилъ себѣ больше ради дурачества, чѣмъ по незнанію, и былъ серьезнымъ помощникомъ Тропинина въ его дѣлахъ.

Маничка попрежнему звала Козодавлева-Рощинина „дядя Андрей“, и онъ не разлучался съ ними. Но сцены онъ не бросилъ; Тропининъ арендовалъ для него театръ, онъ сталъ держать антрепризу и въ первый-же годъ выплатилъ Валерьяну Дмитріевичу всю до копейки театральную аренду. Дѣла у него шли блестяще. Въ денежныхъ вопросахъ онъ былъ щепетиленъ до того, что даже теперь за границей путешествовалъ на свой счетъ. Одно, что онъ дозволилъ себѣ,—переѣхать на житье въ домъ Тропинина, чтобы не разлучаться съ Маничкой.

Само собой разумѣется, что она съ мужемъ и дѣтьми жила въ домѣ своего роднаго отца Валерьяна Дмитріевича

КОНЕЦЪ.

Вечернія занятія.

Разсказъ С. А Миклашевской.

(Окончаніе.)

Ворча себѣ подъ носъ, Даша утѣшала такимъ образомъ барыню. Та поѣла и, не спросивъ ни о мужѣ, ни о ребенкѣ, молча смотрѣла на суетившуюся Дарью. Убравъ со стола и стряхнувъ крошки себѣ въ передникъ, Дарья подала барынѣ книгу и сказала:

— Вы теперича займитесь; плакать-то не о чемъ, что глаза-то портить? А я пойду... Чуть только онъ куда пошевельнется, и я за нимъ... А ужъ ребеночка вамъ принесу, на нашу кухарку надежда маленькая: съ утра на лѣстницѣ языкъ точитъ,—и Дарья вышла, забравъ посуду.

Не весело проходилъ день и у Николая Дмитріевича: стыдъ предъ оскорбленной, обиженной женой, жалость къ пропавшему, какъ онъ думалъ теперь, ребенку, досада, злоба на разсѣянную, вѣтреную Любу,—все это поперемѣнно проходило въ его душѣ. Онъ ходилъ по комнатѣ, какъ звѣрь бѣгаетъ по клѣткѣ, курилъ, бросалъ папиросы на полъ, и его, всегда очень аккуратнаго, еще больше раздражалъ видъ этой неубранной, закиданной окурками и спичками комнаты. Наконецъ, въ сумерки онъ рѣшился сходить къ Любѣ, разсказать ей, что она надѣлала, предупредить, что теперь онъ не можетъ часто бывать у нея; вообще онъ хотѣлъ подготовить дѣвушку къ мысли о необходимости прекратить всякія сношенія. Жена пригрозила разводомъ... Ну, пускай жена поступаетъ, какъ хочетъ, это—ея дѣло, но и Люба ему не нужна. Любви къ ней онъ не чувствуетъ, а поддерживать отношенія безъ любви не можетъ—отвратительно. Угаръ, туманившій его голову, прошелъ, чувства нѣтъ, интересы и стремленія совершенно противоположны, явилось чувство озлобленности, желаніе отыскивать недостатки. Скорѣй-бы только покончить... какъ—все равно, лишь-бы только дойти до конца.

Онъ вышелъ, надѣлъ пальто и, приказавъ Дарьѣ запереть за нимъ, сталъ спускаться съ лѣстницы. Выйдя на улицу, Цвѣтковъ поднялъ воротникъ своего осенняго пальто, медленно пошелъ по панели; ему даже не пришла въ голову мысль, что онъ можетъ взять извозчика. Заперевъ за нимъ дверь, Дарья чуть не бѣгомъ бросилась къ барынѣ, пошептала ей что-то, накинула на голову большой платокъ и по черной лѣстницѣ пустилась догонять барина.

Выйдя на улицу и оглянувшись на обѣ стороны, она увидала шагахъ въ полутораста знакомую фигуру Николая Дмитріевича. Онъ тихо шелъ, постукивая тросточкой по троттуарнымъ тумбамъ. Дарья крадучись, какъ воръ, пошла за нимъ.

Такъ они прошли двѣ улицы и завернули въ переулокъ. Шелъ дождь, фонари слабо освѣщали сквозь сѣрую мглу осенняго вечера невзрачные дома пустыннаго переулка. Наконецъ, Николай Дмитріевичъ вошелъ въ ворота большого непривѣтливаго дома. Дарья тоже проскользнула мимо завернувшагося въ тулупъ дворника и, пройдя воротами, остановилась, стараясь разглядѣть въ темномъ дворѣ, куда пойдетъ баринъ. Вотъ онъ вошелъ на скудно освѣщенную керосиновыми лампочками лѣстницу, и она за нимъ... Наверхъ Николай Дмитріевичъ поднялся очень быстро... Дарья, взбираясь довольно тихо, старалась по звуку догадаться, въ которую дверь онъ войдетъ. Въ третьемъ этажѣ онъ позвонилъ: было слышно, какъ ему открывали. Дарья все подни малась, и теперь только одинъ поворотъ отдѣлялъ ее отъ Николая Дмитріевича, ей даже была видна его фигура. Дарья слышала, какъ женскій голосъ сказалъ: «дома нѣтъ, ушла въ гости»; она видѣла, какъ пошелъ обратно Николай Дмитріевичъ, не сказавъ ни слова. Прижавшись къ стѣнкѣ и пропустивъ его мимо себя, она поднялась къ этой квартирѣ, зажгла спичку и посмотрѣла номеръ надъ дверью, потомъ быстро сбѣжала внизъ, не останавливаясь, прошла дворъ и, выйдя на улицу, вскочила въ дрожки перваго попавшагося извозчика, и, когда Николай Дмитріевичъ позвонилъ у дверей своей квартиры, Дарья спокойно отворила ему дверь.

Вернувшись, Цвѣтковъ прошелъ прямо къ себѣ и заперся на ключъ. Всю ночь онъ не смыкалъ глазъ, ворочаясь на жесткомъ кожаномъ диванѣ и упрекая себя.

«Промѣнять такую жену чертъ знаетъ на кого!.. Молодая, красивая, умница и такъ меня любила! Что теперь будетъ? Простить-ли она? можетъ-ли простить?.. Что, если-бъ она со мной такъ поступила?—морозъ пробѣжалъ у него по спинѣ,—могъ-ли-бы я простить и забыть? Что со мной сдѣлалось! Точно смерчъ какой-то налетѣлъ на меня, закружилъ и сломалъ всю жизнь... А Люба?.. Хороша, нечего сказать! въ гости ушла, рада, что отдѣлалась».

Только къ утру онъ уснулъ тревожнымъ, неспокойнымъ сномъ.

Слѣдующій день прошелъ такъ-же тихо и скучно. Супруги не видались. Дарья, принося Николаю Дмитріевичу кушать, сердито гремѣла посудой. Онъ ни о чемъ не спрашивалъ, она ничего не говорила. Ребенка не было слышно, и онъ рѣшилъ, что, вѣрно, его куда-нибудь отправили.

На третій день утромъ въ полуотворенной двери кабинета показалась головка Елены Владиміровны, сердитымъ голосомъ проговорила:

— Сейчасъ Даша вамъ подастъ кофе и одѣваться, за вами присылали изъ правленія,—и исчезла.

Выпивъ кофе, Цвѣтковъ торопливо одѣлся и пошелъ на службу. Изъ правленія, дѣйствительно, присылали: у него былъ ключъ отъ шкафа съ бумагами, которыя были необходимы. Вернувшись, онъ не засталъ жены дома. Дарья, приглашая его въ столовую обѣдать, сказала:

— Барыня уѣхали къ мамашѣ.

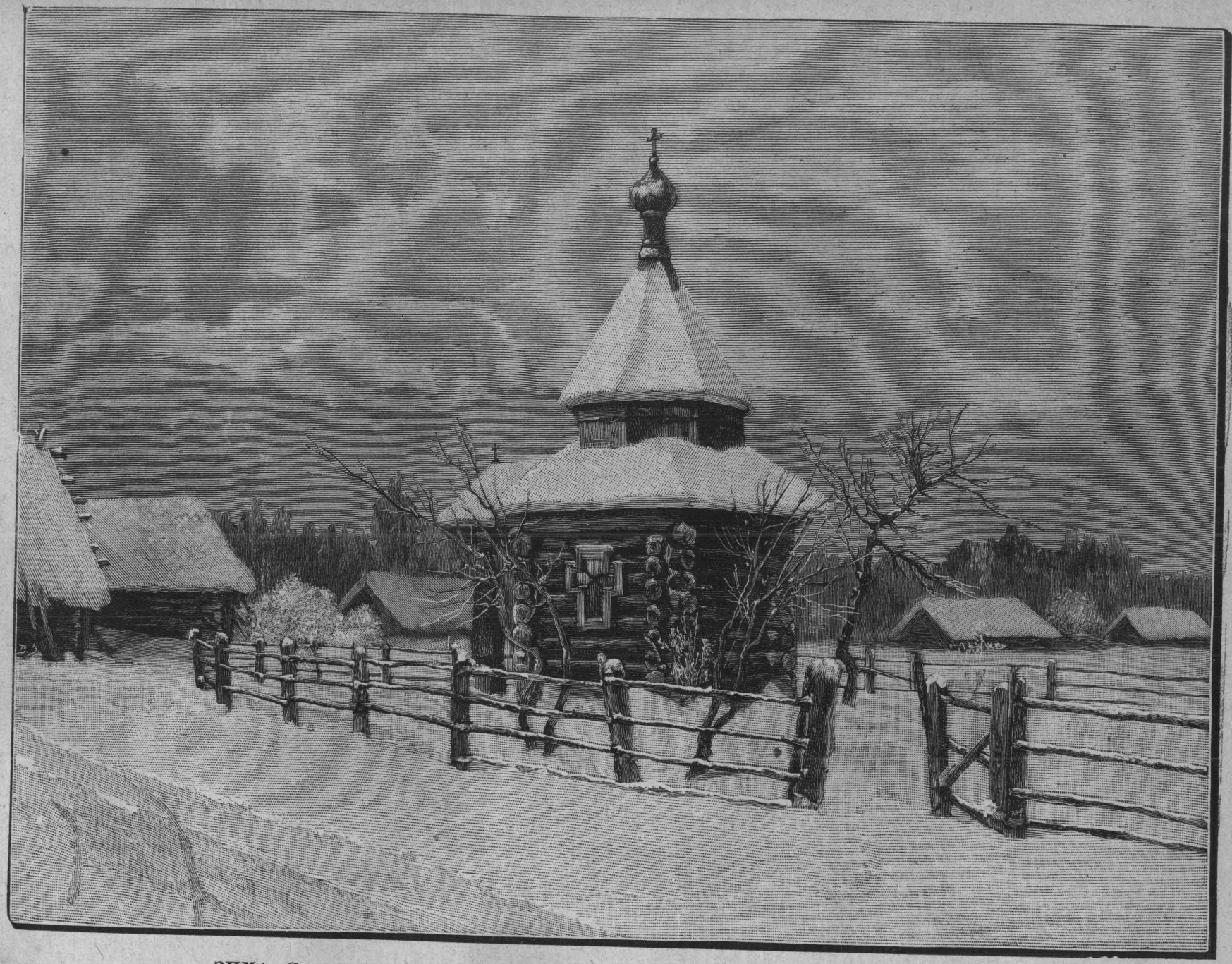
Онъ не рѣшился спросить, совсѣмъ она уѣхала или нѣтъ.

Пообѣдавъ, онъ прошелъ въ спальню; тамъ все было на своемъ мѣстѣ, и онъ немного успокоился, подумавъ:

«Вѣрно, поѣхала разсказать и поплакать».

Ему даже не стало досадно на жену—такъ сильно онъ сознавалъ свою неправоту предъ ней. Ребенка все не было слышно, а пойти въ комнату Дарьи, посмотрѣть, не тамъ-ли онъ, ему казалось неловкимъ. Только въ одиннадцатомъ часу вечера онъ вздохнулъ свободнѣе, когда услыхалъ звонокъ и голосъ вернувшейся Елены Владиміровны. Хотя такая жизнь и не представляла радости, но все-таки это лучше, чѣмъ если-бъ жена уѣхала изъ дому: все-таки она тутъ недалеко отъ него и завтра онъ опять, хоть мелькомъ, увидитъ это дорогое лицо, услышитъ ея голосъ, не бѣда, что сердитый—все-таки это—ея голосъ. И Николай Дмитріевичъ гораздо спокойнѣе улегся на своемъ неудобномъ диванѣ.

Прошла недѣля. Ничто не измѣнилось въ семьѣ Цвѣтковыхъ, мужъ и жена жили каждый своей жизнью, почти не встрѣчаясь.



ЗИМА. Съ картины **В. П. Овсянникова** гравир. для „Родины“ **В. Зубчаниновъ.**

Наконецъ, въ одно утро, дождавшись, чтобы Николай Дмитріевичъ ушелъ на службу, Елена Владиміровна позвала къ себѣ Дашу, долго съ ней говорила, плакала... наконецъ, одѣлась, приказала нанять извозчика... Надѣвая на нее пальто, Даша цѣловала ей руки и говорила:

— Васъ Господь наградитъ за это. Сами вы успокоитесь и его успокоите, а то посмотрите, на кого вы оба стали похожи—краше, вѣдь, въ гробъ кладутъ.

Когда Елена Владиміровна подъѣхала къ большому дому въ *** переулкѣ и тамъ съ помощью дворника отыскала нужную ей квартиру, ея сердце билось не спокойно.

«Кого-то я встрѣчу? Можетъ быть, женщину вполнѣ достойную любви. Мало-ли что говоритъ Даша—для нея лучше меня никого нѣтъ на свѣтѣ, а вотъ мужъ, тотъ нашелъ лучше».

Слезы ужъ готовы были брызнуть изъ глазъ, но Елена Владиміровна сдержалась и рѣшительно позвонила.

«Какъ я о ней спрошу? я даже не знаю, какъ ее зовутъ!» — мелькнула мысль, но думать было уже некогда—толстая, старая женщина отвѣтила дверь.

— Здѣсь живетъ барышня...—сконфуженно начала Елена Владиміровна.

— Любовь Петровна? Здѣсь, матушка, здѣсь. Потрудитесь, пройдите,—любезно приглашала женщина Елену Владиміровну, показывая ей дорогу.—Чай пьетъ теперь, вставать стала поздно, все отоспаться не можетъ послѣ своего-то мальченки,—болтала словоохотливая женщина, ведя Цвѣткову по длинному темному корридору.—Пожалуйте!—и, не постучавъ, она широко распахнула дверь предъ Еленой Владиміровной.

Комната, въ которую вошла Елена Владиміровна, была большая, въ два окна, между которыми стоялъ столъ со всѣми чайными принадлежностями; у стола сидѣла дѣвушка въ сѣрой нижней юбкѣ и бѣлой ночной кофточкѣ; ея волосы льняного цвѣта были распущены и закрывали ей всю спину ниже таліи, на лбу была высоко взбита челка мелкихъ кудряшекъ, сѣрые глаза съ любопытствомъ оглядывали нарядную барыню.

— Что вамъ угодно?

Елена Владиміровна спокойно опустилась на стулъ.

— Я пришла спросить васъ: знакомы вы съ Николаемъ Дмитріевичемъ Цвѣтковымъ?

Молодое красивое лицо улыбнулось, сѣрые глаза весело сверкнули, и дѣвушка отворила:

— Знакома... а вамъ зачѣмъ это нужно знать?

— Я—его жена,—просто отвѣтила Елена Владиміровна.

— Вы—его жена?!. Зачѣмъ-же вы пришли ко мнѣ?

— Я пришла узнать отъ васъ, какъ вы хотите устроить вашу жизнь. Теперь вы свободны, ребенка у васъ нѣтъ, что вы будете дѣлать?

— Это—не ваше дѣло—дѣвушка поднялась со стула,—если вы пришли меня бранить,—въ ея голосѣ послышались слезы,—то и мужъ вашъ тоже не правъ; отчего вы съ нимъ не говорили, а пришли сюда обижать меня?

— Я пришла не обижать васъ, я пришла мирно посовѣтываться съ вами, какъ намъ быть? Я знаю, что не вы однѣ виноваты, мой мужъ виноватъ больше васъ,—онъ старше и долженъ былъ все предвидѣть. Но мнѣ жалко мужа, я люблю его; жалко ребенка, котораго вы принесли ко мнѣ; жалко и васъ, и себя. Подумайте, какъ я могу жить спокойно, если я знаю, что мой мужъ виноватъ предъ вами и вы страдаете?

Услыхавъ эти добрыя слова, Люба моментально успокоилась.

«Не заявитъ въ полицію, что я подкинула ребенка, не сдѣлаетъ скандала, не осрамитъ на всю квартиру», — подумала она и съ привѣтливою улыбкою посмотрѣла на Елену Владиміровну.

— Я нисколько не страдаю; цѣлый годъ онъ мнѣ давалъ деньги, чтобы я могла не работать, теперь взялъ моего ребенка, я буду опять ходить работать въ магазинъ, вотъ и все.

— Вы чѣмъ занимаетесь?

— Я—цвѣточница. Я могу хорошо заработать. Дома мнѣ одной скучно, а въ мастерской я привыкла, и насъ много—весело.

— А какъ-же мой мужъ?

Люба громко расхохоталась

— А что-же вашъ мужъ? Поди-ка, я ему нужна! Онъ только первое лѣто, какъ за мной ухаживалъ, былъ такой веселый, а потомъ, какъ я стала въ такомъ положеніи, все сидѣлъ повѣся носъ. Я ему давно надоѣла, да и мнѣ съ нимъ не весело. Господь съ нимъ! Ребенка взялъ, мнѣ помогалъ, а больше что-же отъ женатаго человѣка и спрашивать? Да если-бъ онъ былъ и не женатый, развѣ такой баринъ можетъ жениться на нашей сестрѣ, мастерицѣ? Извѣстно — баловство.

У Елены Владиміровны точно камень сняли съ души слова Любы. Нѣтъ, ея мужъ не могъ увлечься серьезно этой дѣвочкой, да и она, какъ видно, не ждала ничего серьезнаго; стало быть, дѣло можно поправить.

— Знаете, что я хотѣла-бы вамъ предложить, Любовь... Петровна... такъ, кажется?

Люба утвердительно кивнула головкой.

— Я положу въ банкъ на ваше имя тысячу рублей; но брать ихъ теперь на ваши потребности вы не можете, вы должны на нихъ начать какое-нибудь самостоятельное дѣло или выйдти замужъ за порядочнаго человѣка, не обманывая его. Я возьму себѣ вашего ребенка и буду его воспитывать, какъ своего родного сына; вы можете иногда приходить къ нему.

— Ну, Богъ съ нимъ, на что онъ мнѣ? все равно отдала-бы въ воспитательный. Нѣтъ, ребенка мнѣ не нужно!

Елена Владиміровна съ удивленіемъ взглянула на нее.

Совершенно спокойное лицо,—видно, что она сама не понимаетъ, какія страшныя слова говоритъ, отрекаясь навсегда отъ своего ребенка... она, родная мать! Бѣдное, бѣдное дитя!

— Скажите, пожалуйста, Любовь Петровна, какъ вамъ пришла въ голову мысль подкинуть ребенка?

Дѣвушка, улыбаясь, отрицательно покачала головой.

— Это совсѣмъ не мнѣ, а Николаю Дмитріевичу. Я хотѣла отдать ребенка въ воспитательный, онъ связалъ меня по рукамъ и по ногамъ: ни работать, ни изъ дома выйдти, да еще и по ночамъ покоя нѣтъ. Сначала я думала отдать кому-нибудь на воспитаніе, платить за него хотѣла, а потомъ меня отговорили: «бросить,—говорятъ,—тебя баринъ вмѣстѣ съ твоимъ ребенкомъ, а ты и возись съ нимъ лѣтъ двѣнадцать, а то такъ и больше, пока въ ученье не отдашь». Я подумала—правда, ну, и рѣшила лучше въ воспитательный; такъ Николай Дмитріевичъ и слышать не хотѣлъ. Потомъ придумалъ, чтобы я подкинула, да вотъ...—она подбѣжала къ комоду, порылась въ немъ и подала Еленѣ Владиміровнѣ бумажку.—Самъ записалъ мнѣ все, какъ сдѣлать, чтобъ я чего-нибудь не забыла.

Елена Владиміровна взяла бумажку, посмотрѣла и положила обратно на столъ. Спорить не приходилось — она была написана рукою ея мужа.

— Благодарю васъ, Любовь Петровна, что вы мнѣ все такъ откровенно разсказали. Я постараюсь, чтобы Николай Дмитріевичъ васъ не оставилъ безъ всякихъ средствъ. Завтра или даже сегодня вы получите отъ меня отвѣтъ... Вы дома будете?

— Сегодня дома, завтра хотѣла идти въ магазинъ работать.

— Хорошо. Я постараюсь васъ не задержать... А теперь прощайте,—и Елена Владиміровна протянула Любѣ руку.

— Прощайте,—дѣвушка пожала протянутую ей руку и пошла проводить Елену Владиміровну.

Запирая за нею дверь, Люба простодушно сказала:

— Кланяйтесь Николаю Дмитріевичу.

— Хорошо, буду,—весело отвѣтила Елена Владиміровна, сходя по лѣстницѣ.

Успокоенная Любой Елена Владиміровна поѣхала домой; она удивлялась, какъ можетъ женщина такъ просто и легко смотрѣть на отношенія матери и жены, ну, не жены, а...

«Да, вѣдь, въ сущности это одинаково,—думала она,—не всѣхъ, вѣдь, и бракъ спасаетъ отъ подобнаго положенія!.. А Коля?.. Какъ онъ могъ увлечься такой пустенькой дѣвочкой... какъ онъ могъ настолько позволить себѣ забыться? Будь у нея другой характеръ, ея жизнь была-бы исковеркана, и одному Богу извѣстно, какой-бы конецъ былъ всей этой исторіи. А только она хорошенькая, бѣленькая, точно фарфоровая, даже волосы бѣлые... не такая чернушка, какъ я»...

Она совсѣмъ веселою вошла въ свою квартиру, гдѣ сейчасъ-же передала всѣ свои впечатлѣнія Дашѣ.

— Вы, Даша, только мамѣ ничего не говорите, а то она будетъ безпокоиться; я думаю, пройдетъ это все у Коли, а мальчика... Сашу,—поправилась она,—мы оставимъ. Бѣдный, бѣдный ребенокъ, и у такого-то ребенка я хотѣла отнять отца! Ахъ, Даша, какая я эгоистка!

— Ну, это тоже пустое вы говорите—«эгоистка», и слово-то совсѣмъ несуразное. Другая жена и на глаза не приняла-бы ребенка, а только дитя-то ничѣмъ не виновато, вина то вся баринова; да и мать-то глупая, небось, вѣдь, теперь узнала, что Николай Дмитріевичъ ей не пара, а раньше-то о чемъ думала? Вертушки онѣ всѣ... Ай, батюшки, сейчасъ, вѣдь, баринъ придутъ, а у меня столъ не накрытъ! — и Даша, не спрашивая у барыни, приготовила два прибора въ столовой.

Елена Владиміровна, зная, что мужъ долженъ сейчасъ придти, принесла въ столовую мальчика, лежавшаго въ своей красной картонкѣ, посмотрѣла на него, поцѣловала его маленькое личико и опять подумала:

«Бѣдное, бѣдное дитя! ну, я буду любить тебя, я буду думать, что твоя мать умерла... женятся-же вдовцы и жены ихъ любятъ нисколько не меньше, чѣмъ холостыхъ».

Въ ея доброй душѣ не было злобы ни къ мужу, ни къ легкомысленной Любѣ, а къ ребенку она чувствовала только безконечную жалость, какъ къ существу, обреченному на страданія за чужую вину.

Но вотъ и знакомый звонокъ... Елена Владиміровна ви-

дѣла, какъ Дарья открыла, помогла Николаю Дмитріевичу снять пальто и онъ прошелъ къ себѣ.

Когда за нимъ затворилась дверь, Елена Владиміровна тихо спросила у горничной:

— Какъ-же намъ быть теперь, Даша?

— А что «теперь»?—отвѣчала не смущавшаяся ничѣмъ Дарья,—вотъ пойду и позову сюда кушать, а тамъ уже ваше дѣло,—и она храбро направилась къ кабинету и, пріоткрывъ дверь, сказала:— пожалуйте кушать, барыня дожидаютъ!

Николай Дмитріевичъ съ удивленіемъ взглянулъ на Дарью, немного подумалъ и, рѣшивъ, что нельзя-же прятаться, долженъ-же онъ когда-нибудь встрѣтиться съ женой, пошелъ въ столовую.

Войдя туда, онъ увидалъ Елену Владиміровну, наклонившуюся надъ ребенкомъ. Услышавъ шаги мужа, она подняла голову и, взглянувъ на него, сказала:

— Завтра, Коля, надо будетъ купить Сашѣ кроватку, а то онъ до сихъ поръ лежитъ въ этой противной картонкѣ.

Сразу онъ не нашелся, что отвѣтить, посмотрѣлъ сбоку на жену, увидѣлъ, что она улыбается, и кинулся къ ней.

— Леля, милая, я не знаю, какъ это случилось! Я безконечно виноватъ предъ тобой, можешь-ли ты простить?

— Богъ проститъ! Вотъ Даша говоритъ, что я сама виновата,—кивнувъ головой на входившую Дарью, сказала Елена Владиміровна,—все желала, чтобы намъ подкинули ребенка.

— Ну, конечно, вы больше всѣхъ виноваты, — вмѣшалась Дарья,—развѣ жена должна внушать такія мысли мужу? Сами натолкнули, да еще, какъ нарочно, уѣхали на дачу, что-же дѣлать мужу безъ жены-то? Вѣдь, не постригъ принялъ! Садитесь да кушайте!—и, поставивъ миску на столъ, Дарья вышла изъ столовой.

— Леличка, дорогая, прости! я измучился въ эти дни, все боялся, что ты уѣдешь отъ меня къ мамашѣ! Какъ я останусь безъ тебя, развѣ я могу жить, не видя тебя?—говорилъ Николай Дмитріевичъ, взявъ жену за руки и заглядывая ей въ глаза.

— Хорошо, мы сейчасъ все это кончимъ на нѣкоторыхъ условіяхъ.

— Говори, говори! я все исполню, что ты только пожелаешь... а ты, если можешь, забудь!

Елена Владиміровна въ нѣсколькихъ словахъ передала ему о своемъ посѣщеніи Любы, о всемъ, что тамъ говорилось, затѣмъ продолжала:

— Послѣ обѣда ты къ ней поѣдешь и постараешься миролюбиво и какъ можно справедливѣе и деликатнѣе кончить это дѣло. Я изъ своего приданаго внесу въ банкъ тысячу рублей; ты ей долженъ передать книжку, на ея личные расходы дать еще денегъ и болѣе никогда никакихъ вечернихъ занятій не имѣть... Я не согласна!

— Ты сама была у ней? Не сказала-ли она тебѣ чего-нибудь дерзкаго или непріятнаго? она—такая рѣзкая необразованная дѣвушка!

Елена Владиміровна покачала головой.

— Что она мнѣ могла сказать больше и непріятнѣе того, что я знала сама? Ахъ, Коля, Коля! какъ ты могъ поступить такъ легкомысленно!

Николай Дмитріевичъ опустилъ голову—ему было стыдно смотрѣть на жену.

— Теперь уже все кончено, только, пожалуйста, чтобы мама ничего не знала, а то, вѣдь, знаешь, какая исторія поднимется!..

— Господа, да вы супъ-то заморозили, а я ужъ несу второе,—прервала ее Дарья, входя съ блюдомъ въ рукахъ.—Ну, что это, право, какіе! Елена Владиміровна, извольте садиться!

Супруги сѣли къ столу, тихо переговариваясь и не обращая вниманія на ворчанье Дарьи, а та возилась уже около ребенка, приговаривая:

— Ну, лежи, лежи смирно, чего закапризничалъ? Видишь, папа съ мамой кушать сѣли, мѣшать не надо, экій неспокойный!—и, вынувъ ребенка, она съ нимъ вышла.

Послѣ ея ухода Цвѣтковъ поцѣловалъ руки жены.

— Леля, постарайся забыть! Если мы проживемъ еще сотню лѣтъ, то я никогда даже помышленіемъ не оскорблю тебя...

— И дашь мнѣ слово никогда не терять своихъ платковъ?

Маленькій Саша положительно принесъ счастье Цвѣтковымъ. Ровно черезъ годъ послѣ его храбраго вторженія въ ихъ семью исполнилось завѣтное желаніе Елены Владиміровны—у нея была своя маленькая дѣвочка, обѣщавшая стать очень хорошенькой.

Дарья, качая одной рукой будущую красавицу-кокетку, поддерживала другой за рубашенку уже ходившаго Сашу и ворчала:

— Ну, что я теперь буду дѣлать? Вотъ напасть-то, прости Господи! Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ.

КОНЕЦЪ.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

Разсказъ изъ недавняго прошлаго. **Н. Д. Старостина.**

(Окончаніе.)

VIII.

ВЕРНЕМСЯ на Дальній Востокъ въ лазаретъ Краснаго Креста.

На хриплый бредъ больного офицера въ палату вошла сестра милосердія и, подойдя къ его кровати, грустно взглянула на него. Раненый выпрямился всѣмъ тѣломъ и замолчалъ; его дыханіе стало ровнѣе.

— Ахъ, бѣдный! — прошептала сестра, взглянувъ на Заруднаго. — Пожалуй, въ эту ночь кончится...

— Кто—онъ?—спросилъ Павелъ Петровичъ.—Вы не знаете, сестрица, его фамиліи?..

— Это — графъ Химкинъ...

— Химкинъ? Возможно-ли?.. — чуть не вскрикнулъ Зарудный.

И, несмотря на раны, онъ неловко повернулся въ сторону своего соперника и тотчасъ-же изъ стиснутыхъ зубовъ его вырвался стонъ.

— Господи, что мнѣ съ вами дѣлать? — почти простонала сестра,—вѣдь, я просила васъ быть осторожнымъ... Вотъ теперь опять боль...

— Простите, сестрица, невольно... Я больше не буду... Такъ это—Химкинъ?.. Бѣдный, какъ онъ страдаетъ!. Какъ-же это вышло?..

— А вы съ нимъ знакомы?—спросила сестра.

— Да, въ Петербургѣ мы познакомились...

Въ это время Химкинъ (это былъ онъ) слегка всхрапнулъ, его лицо повернулось въ сторону Заруднаго, дыханіе стало еще ровнѣе.

— Кажется, уснулъ... Дай-то Богъ...—прошептала сестра и вышла изъ палаты.

Спать теперь Зарудный совершенно не могъ; все существо его словно встрепенулось, нервы напряглись, мысль заработала сама собою...

„Химкинъ,—размышлялъ онъ,—какими судьбами попалъ онъ на войну? Вотъ странность... вотъ вполнѣ неожиданная встрѣча!.. Однако, и поплатился-же бѣдняга... Господи, сколько здѣсь слезъ, горя и страданій!.. Ну, зачѣмъ было ему-то ѣхать сюда? Все, кажется, имѣлъ: и любовь, и деньги, и этотъ ихъ аристократическій лоскъ... А теперь что стало изъ этого красавца-верхогляда! Ахъ, война, война, проклятая ты вещь!“

Было два часа ночи. Павелъ Петровичъ лежалъ съ открытыми глазами и отрывки прошлаго вереницей проносились въ его головѣ. Въ палату много разъ приходили сестры милосердія, давали лекарства больнымъ и неслышно выходили вонъ. Каждое такое появленіе сестры ночью напоминало привидѣніе. Но вотъ глаза Заруднаго стали слипаться; первая греза сна уже носилась надъ нимъ, какъ вдругъ легкій шумъ заставилъ его открыть глаза и взглянуть на Химкина: Александръ Ѳедоровичъ тихо застоналъ и спросилъ тихо-тихо:

— Кто здѣсь?..

— Я...—такъ-же тихо отвѣтилъ Зарудный, стараясь осторожно хоть немного повернуться въ сторону просыпавшагося Химкина.

Графъ взглянулъ на него мутными, воспаленными глазами.

ВЪ ГОРОДЪ. Оригин. рисун. **В. Петрова**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

ЛИХАЯ ТРОЙКА. Съ картины **И. С. Галкина** гравир. для „Родины“ **В. Зубчаниновъ.**

— Не узнаете? это—я, Зарудный...

— Зарудный?..

— Ну, да, Зарудный... Павелъ Петровичъ...

— Охъ... — снова застоналъ Химкинъ.

Послѣ сна къ нему вернулось сознаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, физическая боль ощущалась ужасно.

— Александръ Ѳедоровичъ, вы, вѣроятно, ужасно страдаете?—не зная, что сказать, участливо спросилъ его Зарудный.

— Охъ.. охъ... грудь горитъ...—простоналъ Химкинъ. — Хотѣлось-бы умереть скорѣе...

— Какими судьбами вы-то попали въ этотъ адъ? Зачѣмъ вамъ-то, счастливцу, нужно было ѣхать на войну?..

Химкинъ слабо застоналъ и, наконецъ, отвѣтилъ:

— Зарудный... Павелъ Петровичъ... я виноватъ предъ вами... простите меня...

— Полноте... что вы, Александръ Ѳедоровичъ... Напротивъ, я виноватъ предъ вами... Я не зналъ тогда...

— Нѣтъ, это такъ... Слушайте... можетъ, я не доживу до утра... охъ, какъ грудь горитъ... Душно... Хочется все высказать — и не могу.. сразу... Увѣдомите Дору... и пошлите ей мое послѣднее... „прости“.

Онъ безсильно выплюнулъ на подушку сгустившуюся розовую слюну и продолжалъ говорить сильнымъ шепотомъ, желая сказать многое; но боль, видимо, прерывала его слова.

— Вы ранены? — спросилъ онъ Заруднаго.

— Да, легко.

— Помните нашу послѣднюю... встрѣчу въ саду?.. Нехорошъ я былъ тогда...

Зарудный утвердительно кивнулъ головой.

— Когда я, послѣ васъ, пришелъ въ бесѣдку... засталъ Дору... въ очень странномъ положеніи.. она сидѣла и... плакала... Я спросилъ ее... о причинѣ этихъ слезъ.. Она молчала... Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія... ея молчаніемъ.. я сказалъ ей... что я понимаю... эту причину... Охъ... охъ... Она на меня.. очень гнѣвно взглянула.. никогда я.. не забуду этого холоднаго, остраго ея взгляда... Но я тогда выдержалъ его... и сказалъ, что... вызвалъ васъ на дуэль...

Химкинъ зажмурилъ глаза и по его стиснутымъ зубамъ можно было заключить, что онъ переносилъ пароксизмъ наступавшей боли...

Зарудный съ замираніемъ сердца поглядѣлъ на страдальца.

— Потомъ...—началъ опять Александръ Ѳедоровичъ, спустя минуты три,—потомъ она мнѣ сказала, что... какой-бы исходъ ни приняла... дуэль... она, княжна, будетъ меня ненавидѣть... Я сказалъ ей на это, что... вы дуэль приняли, но съ тѣмъ, чтобъ состоялась она послѣ войны... Тогда княжна встала... обтерла платкомъ глаза и, не глядя на меня... вышла изъ бесѣдки.. „Знайте...—сказала она мнѣ на-ходу,—т-г Зарудный... гораздо воспитаннѣе васъ... и благороднѣе“... и пошла къ дому... Я, конечно, пошелъ за нею... Съ тѣхъ поръ я замѣтилъ что княжна... подъ разными предлогами... такъ или иначе.., стала избѣгать встрѣчи со мною... при каждомъ моемъ появленіи въ ихъ домѣ... она старалась скрыться изъ комнаты... въ которой я находился... Княгиня тоже перемѣнилась... какъ мнѣ показалось... къ худшему по отношенію ко мнѣ... она стала суха, раздражительна и вообще серьезна... Бывшая веселость этой старухи исчезла какъ-то... Если-бы не моя любовь къ княжнѣ.. я пересталъ-бы посѣщать этотъ домъ... но моя любовь къ Дорѣ съ каждымъ днемъ... росла все сильнѣе и сильнѣе... и, наконецъ, превратилась для меня в какую-то пытку... Я во что-бы то ни стало... хотѣлъ видѣться съ княжной и объясниться... и случай скоро мнѣ представился.. Однажды, уже много времени спустя, я случайно... засталъ ее въ гостиной... одну... Я, по старой привычкѣ... подошелъ къ ней и поздоровался... она отвѣтила мнѣ, не глядя на меня... Мнѣ стало даже досадно... Короче, я тогда-же вызвалъ ее на объясненіе... Я увѣрялъ ее въ любви... просилъ прощенія... просилъ, чтобъ наши отношенія... остались-бы старыми... и т. д., на что она холодно отвѣтила слѣдующее: „Я не давала вамъ повода къ ревности... значитъ... вы должны были вѣрить данному вамъ слову... котораго я не беру назадъ до сихъ поръ... Некрасиво съ вашей стороны и то, что вы... подъ видомъ смѣшка... постоянно старались третировать Павла Петровича... общія знанія и умъ котораго... по моему взгляду... стоятъ выше вашихъ... Что-же касается до вашего атеизма, то онъ мнѣ становится противнымъ“. Признаюсь, мое самолюбіе было... сильно уязвлено... но страсть взяла верхъ... Я готовъ былъ на все согласиться, чтобъ не... потерять правъ на обладаніе Дорой...

Послѣ этихъ словъ Химкинъ умолкъ: онъ усталъ. Его грудь тяжело поднималась. Прошло минутъ десять и онъ началъ снова:

— Тогда я сталъ умолять княжну: „Простите, княжна, я буду вѣрующимъ человѣкомъ“...—„Говоря это, вы лжете,—возразила она,—но я отъ души совѣтую вамъ перемѣниться морально“...—„Даю вамъ слово... Дора, перемѣнюсь“...—„Хорошо... вѣрю... но я тогда съ вами примирюсь, когда вы примиритесь съ Зарудныимъ“...—„Но какъ-же я могу примириться съ нимъ... когда онъ уѣхалъ на войну?..“ — „Ну, что-жъ, онъ—офицеръ русской арміи... Ему и мѣсто на войнѣ“... — „Значитъ, и мнѣ ѣхать на войну?..“—„И тамъ извиниться предъ нимъ“... — досказала она. Что-жъ мнѣ оставалось дѣлать?.. Я живо собрался и уѣхалъ... При прощаніи съ княжной, которое было очень сердечно... она благословила меня образкомъ и подарила на память свою фотографію...

Химкинъ опять умолкъ. Зарудный не смѣлъ безпокоить его, но графъ опять началъ:

— Да, почти и забылъ... Опять боли начинаются... охъ... охъ... Она просила кланяться вамъ... и беречь себя... А какъ убережешься тутъ?.. Хватила шрапнель—вотъ и мучайся... охъ... охъ... И еще два слова... Зарудный... Павелъ Петровичъ... я умру... скоро умру... чувствую... А такъ хотѣлось-бы пожить еще... Еще жить... Зарудный.. охъ... охъ... Вы слышите меня?..

— Какъ-же, какъ-же, я — весь слухъ... Вамъ тяжело, Александръ Ѳедоровичъ... передохните...

— Нѣтъ... некогда... да и все равно теперь... Слушайте, Зарудный, я повѣрилъ теперь, что, дѣйствительно, Богъ есть... Да, Онъ есть... Онъ и наказалъ меня... за мои прегрѣшенія... Охъ, горько какъ... какъ страшно горитъ грудь... о-о-охъ... Пожалѣйте меня, Зарудный... скажите мнѣ что-нибудь... Мнѣ очень... очень... тяжело..

— Александръ Ѳедоровичъ, голубчикъ... мы всѣ—братья по Христу... Одинъ Онъ и можетъ облегчить наши страданія... Примиритесь съ Нимъ, покайтесь Ему, и, если вамъ суждено умереть, умрите православнымъ христіаниномъ.

— Да... я хочу... я хочу... я не знаю, какъ...—залепеталъ Химкинъ и изъ его воспаленныхъ глазъ брызнули слезы.

Онъ разрыдался и этотъ сильный, истеричный плачъ, перемѣшанный съ невольными стонами страш-

наго страданія, вырвался изъ палаты и возвѣстилъ о себѣ дежурную сестру. Она вошла въ палату и подошла къ плачущему.

— Сестрица,—обратился къ ней Зарудный,—ради Самого Бога, пришлите сейчасъ-же священника съ Дарами: умирающій хочетъ исповѣдаться и причаститься...

Химкинъ заметался и охалъ.

— Но теперь ст. Михаилъ спитъ, пожалуй,—отвѣтила сестра.— Разбудить развѣ?.. Бѣдный, какъ онъ страдаетъ!

— Разбудите, разбудите!—умолялъ Зарудный.

Сестра вышла.

Минутъ черезъ двадцать въ палату вошелъ іеромонахъ съ запасными Дарами. Сестра подвела его къ постели графа и ушла. Химкинъ лежалъ, казалось, спокойно. Онъ взглянулъ на священника почти строго и тотчасъ-же заморгалъ вѣками. Зарудный тихо повернулъ голову въ другую сторону и наглухо закрылся одѣяломъ.

— Сынъ мой хочетъ примириться съ Богомъ? — задушевно-теплымъ голосомъ обратился монахъ къ Химкину.

— Да, отецъ мой,—затрепеталъ Александръ Ѳедоровичъ.— Согрѣшилъ я предъ Богомъ... кажется, по всѣмъ заповѣдямъ Его...— и онъ тихо заплакалъ.

— Эти слезы утѣшительны,— такъ-же тепло продолжалъ монахъ, присѣвъ на край кровати.— Нѣтъ такого грѣха, сынъ мой, котораго-бы не простилъ Богъ кающемуся. Божіе милосердіе безгранично.

И, наклонясь почти къ самому лицу умирающаго, священникъ началъ исповѣдь.

Четверть часа спустя, Зарудный услышалъ шаги удалявшагося монаха. Павелъ Петровичъ сбросилъ съ себя одѣяло и, повернувшись въ сторону Химкина, поздравилъ его съ принятіемъ Св. Тайнъ.

— Спасибо вамъ, Зарудный...— тихо отвѣтилъ Александръ Ѳедоровичъ,—мнѣ словно легче стало...

И вдругъ, минуту спустя, онъ сильно закричалъ.

Въ палату вбѣжала сестра.

— Горю.. горю...— кричалъ Химкинъ.— О-охъ... сестра... сестрица... въ мундирѣ у меня есть карточка... фотографическая.., Передайте ее... вотъ... Зарудному... всѣ деньги мои... казакамъ... Охъ... охъ... Силъ нѣтъ... Охъ... О-охъ... Жжетъ... палитъ... а-а-ай...

И вдругъ онъ смолкъ. Его правая рука, лежавшая на груди, соскочила и повисла съ кровати... голова безсильно повернулась въ сторону. Онъ сдѣлалъ еще пять-шесть сильныхъ хриплыхъ вздоховъ, и его грудь опустилась... глаза навѣки сомкнулись...

— Умеръ, бѣдный...— перекрестилась сестра.— Царство небесное!

— Что-же теперь дѣлать?— недоумѣвающе спросилъ ее Зарудный.

— Сейчасъ придетъ докторъ. Покойника вынесутъ.

И она ушла.

Павломъ Петровичемъ овладѣло жуткое чувство. Онъ, не отрываясь, глядѣлъ на мертвеца, который словно росъ на его глазахъ... Когда у человѣка рождается мгновенный безотчетный страхъ, будь этотъ человѣкъ храбрымъ изъ храбрыхъ, онъ инстинктивно глядитъ этому страху въ глаза.. Такъ теперь глядѣлъ и Зарудный на длинно-длинно вытянувшійся трупъ Александра Ѳедоровича Химкина. Когда, съ приходомъ доктора, трупъ былъ вынесенъ, Павелъ Петровичъ нѣкоторое время подумалъ и затѣмъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

IX.

На другой день, послѣ перевязки, отдохнувъ, Зарудный послалъ княжнѣ Дорѣ телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Сообщаю вамъ, княжна, грустную новость: Александръ Ѳедоровичъ Химкинъ сегодня ночью скончался отъ тяжелыхъ ранъ. Бѣдный ужасно страдалъ. Мы помирились. Просилъ меня послать вамъ его послѣднее „прости“. Я легко раненъ. Химкинъ умеръ послѣ принятія Св. Тайнъ. Зарудный“.

Онъ написалъ адресъ госпиталя и послалъ телеграмму.

Черезъ два дня Зарудный получилъ отвѣтную депешу отъ княжны.

„Искренне благодарю васъ, Павелъ Петровичъ, за это ужасное сообщеніе о смерти графа. Значитъ, онъ душу положилъ за други своя. На все воля Божія. Берегите себя: можетъ быть, мы еще увидимся и будемъ счастливы. Знайте, теперь я свободна отъ даннаго мною слова погибшему. Буду молиться за васъ и ждать васъ. Ждите письма. Матушка вамъ кланяется. Княжна Дора Калишидзе“.

Послѣ этой телеграммы Зарудный просіялъ: намекъ княжны на будущую счастливую жизнь сулилъ ему свѣтлыя надежды. Онъ подолгу засматривался на карточку Доры, которую, согласно волѣ Химкина, ему передала сестра милосердія.

У Павла Петровича не было затронуто костей, но раны осложнились воспалительнымъ характеромъ. Въ общемъ леченіе подвигалось успѣшно. Сильный, выносливый организмъ его крѣпъ и силы возстановлялись. Онъ много писалъ своей теткѣ, въ свой полкъ — товарищамъ-офицерамъ и отъ скуки читалъ кое-что, что попадалось подъ руку въ госпиталѣ.

Лелѣя въ себѣ надежды сдѣлаться мужемъ Доры, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ нея обѣщаннаго письма; но проходили дни, недѣли, а письма не было. Наконецъ, спустя болѣе мѣсяца, ему принесли сразу два письма: одно изъ нихъ было отъ тетки, другое— отъ княжны. Тетка писала ему съ материнской нѣжностью, просила его вернуться домой, слегка упрекала его за короткія письма и просила писать больше и чаще.

Княжна писала ему слѣдующее:

„Павелъ Петровичъ! Вотъ и письмо мое предъ Вами. Что сказать Вамъ еще послѣ телеграммы?.. Полагаю, что изъ нея Вы могли понять мои къ Вамъ чувства и желанія... Помните нашъ послѣдній разговоръ? На Ваше признаніе я тогда не могла отвѣтить иначе: такъ сложились обстоятельства; я должна была сдержать свое слово, но теперь, когда я освободилась отъ него, я принимаю Вашу любовь и дарю Васъ тѣмъ-же... Надѣюсь, Вы не обидитесь на меня: я привыкла выражать свои чувства прямо, положительно... Во всякомъ случаѣ, я жду отъ Васъ письма на это мое посланіе. Прошу Васъ подробно описать мнѣ кончину графа Химкина“.

Далѣе Дора писала о матери, о новостяхъ Петербурга и закончила свое письмо слѣдующими словами:

„Не забудьте подробнѣй описать мнѣ ходъ Вашей болѣзни. Я была-бы весьма рада, если-бы Вы пріѣхали къ намъ возможно скорѣе. Желаю Вамъ скорѣйшаго выздоровленія. Княжна Дора“.

Зарудный, довольный письмомъ, аккуратно свернулъ его и вмѣстѣ съ карточкой княжны положилъ въ конвертъ, а конвертъ—подъ подушку. Онъ пріятно улыбнулся при мысли о перспективѣ возможнаго счастья и въ тотъ же день началъ писать пространное письмо Дорѣ...

А военная гроза гремѣла. Громы этой чудовищной грозы раздавались все сильнѣе и сильнѣе. Приближались ужасные ляоянскіе бои... Въ госпиталѣ стали ходить слухи, что есть надежда разбить японцевъ на-голову. Эти слухи подтверждались вновь прибывавшими ранеными. Всѣ говорили о геніи Куропаткина, который будто-бы готовитъ японцамъ страшную ловушку. Куроки будто-бы оцѣпленъ. У раненыхъ явилась надежда на благопріятный для Россіи исходъ войны.

„Разобьемъ Куроки — и кончено дѣло: поѣдемъ домой...—утѣшались нѣкоторые.—Если до сихъ поръ приходилось отступать русскимъ, начиная съ Тюренчена, то въ этомъ заключалась геніальная тактика главнокомандующаго... Теперь конецъ терпѣнію, теперь смѣло можно помѣряться силами“.

Такъ говорили и думали раненые, но событія совершались по-своему.

Нѣкоторые изъ раненыхъ офицеровъ, тѣ, которыхъ можно назвать героями, просились на выписку: они спѣшили присоединиться къ своимъ частямъ. Къ такимъ боевымъ товарищамъ принадлежалъ и Зарудный. Еще не совсѣмъ оправившійся отъ ранъ, онъ тоже сталъ проситься въ свою часть, но доктора положительно не пустили его, и ему пришлось „валяться“ на кровати, которая порядочно уже ему надоѣла. Вскорѣ его съ нѣкоторыми другими офицерами перевезли въ Мукденъ. Наконецъ, чудовищные ляоянскіе бои начались... Всѣ съ напряженіемъ ждали результатовъ этихъ ужасающихъ боевъ... Русскому оружію не повезло и тутъ: было назначено отступленіе... Многіе охали и ахали: какъ-же это могло выйти?.. Кажущаяся побѣда была уже такъ близка— и вдругъ отступленіе... Послышались обвиненія противъ Орлова, обвиняли и другихъ, но этими обвиненіями дѣла не поправили — и русскіе отступили

Наконецъ, Зарудному было разрѣшено вернуться въ свою часть. Совершенно оправившійся отъ ранъ, вернулся онъ въ свой полкъ; но въ этомъ полку Зарудный не нашелъ многихъ изъ старыхъ товарищей-офицеровъ: нѣкоторые были убиты, другіе лежали въ госпиталяхъ. Его шестая рота почти вся состояла изъ новыхъ солдатъ, въ числѣ которыхъ много было ополченцевъ-запасныхъ—сорокалѣтнихъ людей, измозженныхъ рабочей жизнью, оторванныхъ отъ семейнаго очага, оставившаго каждому изъ нихъ заботу о женѣ и дѣтяхъ. Тутъ не могло быть мѣста молодечеству: тутъ неволя вела людей, едва волочившихъ ноги, на вѣрную смерть отъ устали, а не отъ пули... Между офицерами своей роты Павелъ Петровичъ встрѣтилъ только одного знакомаго, подпоручика Гурѣева, произведеннаго за отличіе въ поручики. Старые товарищи обнялись. Гурѣевъ, замѣтивъ на груди Заруднаго орденъ, пожалованный ему Куропаткинымъ, поздравилъ его съ наградой.

— Спасибо, самъ главнокомандующій пожаловалъ, когда приходилъ къ намъ въ госпиталь... Помните, за дѣло подъ Дзинджу?

— Какъ не помнить... Вся рота была... Меня Богъ спасъ тогда... Потомъ...

И Гурѣевъ разсказалъ про свое „дѣло“. За молодецкую развѣдку онъ былъ произведенъ въ поручики.

— А я, вѣдь, до сихъ поръ не знаю, какъ и кто меня ранилъ тогда...—проговорилъ Зарудный.

— Гдѣ-же вамъ знать! васъ увезли безъ памяти. Ну, и попдатился-же этотъ японецъ за васъ...

— Ахъ, разскажите, меня это интересуетъ...

Гурѣевъ повѣдалъ слѣдующее:

— Въ моментъ, когда раздался первый выстрѣлъ, вы шли по направленію къ кучкѣ плѣнныхъ; я находился въ сторонѣ, у фанзы; этотъ выстрѣлъ произвелъ японскій солдатъ изъ ружья съ крыльца этой фанзы. Когда вы упали, онъ сдѣлалъ еще выстрѣлъ и въ тотъ-же моментъ изъ-за угла фанзы выскочилъ нашъ рядовой Ветлугинъ и, бросившись на японца, смаху ударилъ его прикладомъ по головѣ. Ударъ былъ настолько силенъ и удаченъ, что крышка черепа врага соскочила и повисла на сторону, закрывъ собою правое ухо. Японецъ упалъ внизъ лицомъ и я видѣлъ, какъ мозги его вывалились при паденіи...

— Да... А Ветлугинъ? Гдѣ онъ? я его не вижу?

— Онъ давно на томъ свѣтѣ... Подъ Ляояномъ граната разорвала его на мелкія части...

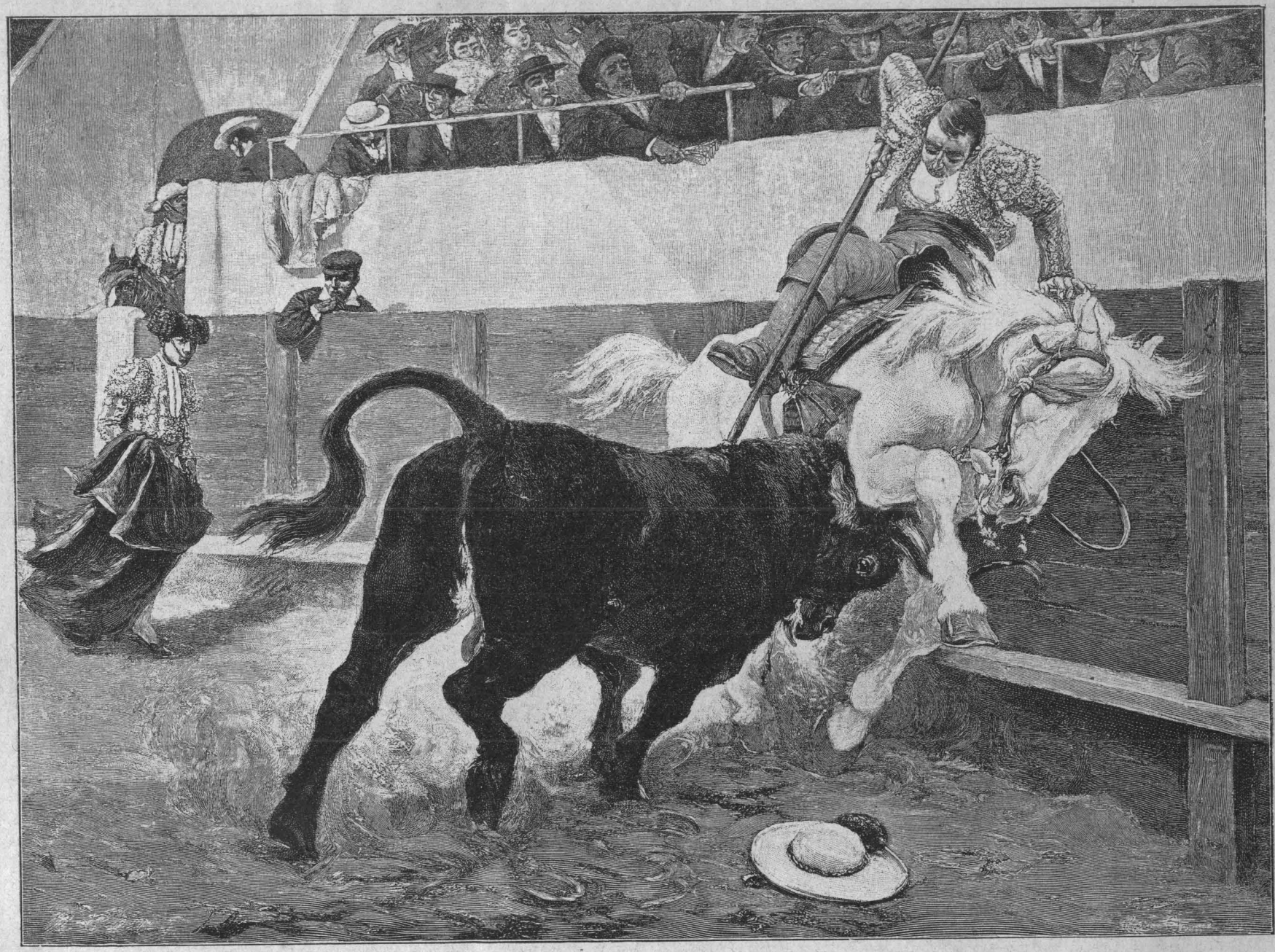
И опять началась боевая жизнь, жизнь полная опасностей, на которыя порой истинные герои въ духѣ Нахимова, Кошки, Кондратенка и имъ подобныхъ, махаютъ руками и говорятъ какую-нибудь фразу въ родѣ той, которую сказалъ такой-же герой генералъ Мищенко казаку, предупредившему генерала, что въ него стрѣляютъ: „всякая, братецъ, пуля найдетъ свое мѣсто“...

X.

Въ утро семнадцатаго февраля тяжелыя снѣговыя тучи нависли на горизонтѣ. На землѣ было непріятно, непривѣтно, страшно... Знаменитая Путиловская сопка дымилась, словно изъ нѣдръ ея склоновъ вырывался подземный огонь... Это были взрывы рвавшихся японскихъ снарядовъ. Въ воздухѣ непрерывно гудѣлъ ревъ канонады и эти зловѣщіе звуки: „бу-у-ухъ... ухъ... ши-и-и... помъ... помъ“... разносили смерть и опустошеніе... Пороховой и мелинитовый дымъ сжималъ легкія... Трудно было русскимъ героямъ бороться съ храбрымъ, энергичнымъ врагомъ... Японцы обстрѣливали склоны сопки громадными снарядами.

Въ одномъ изъ окоповъ со своей ротой находился Павелъ Петровичъ Зарудный. Онъ словно закалился среди этого ада разрушенія и смерти; нервы притупились у него, всѣ постороннія мысли отошли въ сторону, кромѣ одной, конечной: какъ-бы не продать себя дешево; если ужъ и отдать жизнь, то отдать ее такъ, чтобъ и непріятель отдалъ нѣсколько такихъ жизней... О спасеніи-же нечего было и думать: изъ челюстей смерти едва-ли можно легко вырваться. Да Павелъ Петровичъ уже и не думалъ объ этомъ. Даже эти свистящіе и шипящіе звуки всевозможныхъ снарядовъ, вначалѣ такъ непріятно дѣйствовавшіе на нервы, теперь казались ему какими-то безразличными... А кудрявыя облачки бѣлаго порохового дыма то тамъ, то сямъ ежесекундно подпрыгивали отъ земли и, разрываясь вверху, съ силой раскидывали вокругъ себя свои смертоносные осколки...

Рота Заруднаго была сравнительно въ безопасности въ землянкѣ. Въ воздухѣ было холодно; изъ потемнѣвшаго неба повалила снѣжная крупа, погоняемая вѣтромъ въ сторону русскихъ. Часовъ въ одиннадцать этого хмураго дня за этой сыпавшейся съ неба холодной трухою снѣга въ воздухѣ повисла точно мгла,—японцы воспользовались ею, какъ защитою, и густыми колоннами быстро и рѣшительно пошли къ тому мѣсту сопокъ, гдѣ онѣ полого спускались на юго-западъ. Но русскіе зорко выслѣдили врага и, подпустивъ его на близкое разстояніе, стали разстрѣливать его съ вѣрнаго прицѣла. И видно было, какъ желто-сѣрыя шинели стали цѣпляться въ проволочныхъ заграждеіяхъ, какъ эти храбрые враги цѣлыми рядами устилали землю и, наконецъ, когда въ центръ этихъ густыхъ колоннъ ворвались наши артиллерійскіе снаряды, колонны ихъ дрогнули и въ



БОЙ БЫКОВЪ. Съ картины **Р. Шокэ**.

безпорядкѣ стали спѣшно отступать назадъ, оставляя на землѣ раненыхъ товарищей. Но на смѣну этимъ колоннамъ вскорѣ пошли другія, третьи, четвертыя. Японцы словно поклялись взять эту Путиловскую сопку, хотя всѣ эти аттаки и были блестяще отбиты русскими.

Но въ одну изъ послѣдующихъ аттакъ Зарудный едва не поплатился жизнью. Уже темнѣло. Измученные солдаты и офицеры нуждались въ отдыхѣ и пищѣ. Холодная погода морозила этихъ бойцовъ, изодранныхъ, въ рваной обуви, измученныхъ и физически, и нравственно. Но русскій солдатъ помнитъ присягу и не жалѣетъ своего живота за вѣру, Царя и отечество. Досадно было ему только то, что часто приходилось отступать предъ противникомъ, который какъ-то поспѣвалъ всегда во всѣхъ прошлыхъ бояхъ быть въ превосходныхъ силахъ, сравнительно съ нашими.

Аттаку японцы повели рѣшительно и смѣло. Вечерняя мгла стала сгущаться. Дальнія сопки получили мутные контуры и стали словно сливаться въ одну громаду. И вдругъ совсѣмъ близко появились японцы. Можно было заключить, что стремленіе ихъ было — выбить нашихъ изъ окоповъ и занять ихъ. Но измученные русскіе ждали врага и сдѣлали по немъ нѣсколько залповъ. Первые ряды непріятеля, словно скошенные, рухнули на-земь, но задніе, подгоняемые офицерами, бѣжали по убитымъ и раненымъ товарищамъ и падали, и падали, а на смѣну этимъ падавшимъ появлялись другіе и, презирая смерть, бѣжали къ окопамъ. Зарудный, съ крикомъ: „впередъ, братцы, за Русь-матушку!“, выскочилъ изъ окопа на брустверъ для встрѣчи врага и вся рота бросилась за командиромъ... Японцы были уже въ нѣсколькихъ саженяхъ; плотные ряды ихъ быстро подвигались впередъ, держа ружья на-перевѣсъ; была слышна команда ихъ офицеровъ. Замѣтивъ выскочившихъ изъ окоповъ русскихъ, они съ крикомъ „банзай“ бросились на нихъ въ штыки. Громкое русское „ура“ встрѣтило этотъ ихъ крикъ и трехгранные штыки ощетинились навстрѣчу желтолицымъ... Вскорѣ послышались стоны и проклятія падавшихъ... Зарудный съ саблей въ рукѣ и съ револьверомъ въ другой бросился на японскаго офицера, который за нѣсколько шаговъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера— и пуля этого выстрѣла, словно сняла, сбила одну изъ звѣздочекъ съ праваго погона Павла Петровича. Зарудный спустилъ курокъ, но, давъ промахъ, бросился на врага съ саблей... Японецъ принялъ ударъ хладнокровно и сталъ наступать на противника, который ловко отпарировалъ удары замѣтно горячившагося врага. Но вдругъ русскій штыкъ сбоку удашилъ по саблѣ японца и въ тотъ-же мигъ занесенная сабля Зарудаго опустилась вкось на плечо врага и почти до половины перерубила шею... Японецъ опрокинулся навзничь...

— Черту баранъ... проклятый... — прохрипѣлъ рядомъ съ Павломъ Петровичемъ унтеръ-офицеръ Храповинъ. — Ловко саданули вы его, ваше благородіе...

Зарудный хотѣлъ что-то сказать Храповину, но въ этотъ моментъ справа послышались сильные, громкіе крики „ура“... Онъ взглянулъ направо: двѣ роты пѣхоты бѣжали къ нему въ подкрѣпленіе.

— Братцы!.. — крикнулъ Павелъ Петровичъ, — братцы, подкрѣпленіе идетъ!.. Ура!..

И въ тотъ-же мигъ предъ нимъ блеснулъ кинжалоподобный штыкъ японскаго солдата. Зарудный выстрѣлилъ въ него въ упоръ въ грудь: руки японца дрогнули и опустились, но его ружье по инерціи подалось впередъ и слабо снизу-вверхъ его штыкъ провелъ по лбу Зарудаго отъ переносья почти до виска кривую кровавую линію...

— Ишь, проклятущій!.. — прохрипѣлъ вторично Храповинъ,—не успѣлъ я во-время дать тебѣ звона... Ну, вотъ получай!.. — и онъ съ остервенѣніемъ ударилъ по головѣ прикладомъ уже упавшаго японца...

— Храповинъ, оставь его! — замѣтилъ ему Зарудный,—онъ и такъ готовъ...

— Всѣхъ ихъ, проклятыхъ, душить надо...—злобно проворчалъ Храповинъ, бросаясь на выручку къ товарищу.

— Ура!.. Ура!..—гремѣло справа, и въ то-же время подкрѣпленіе ударило во флангъ японцевъ.

Борьба для послѣднихъ оказалась неравной и они спѣшно побѣжали назадъ, преслѣдуемые русскими пулями...

Окопы остались за русскими. Измученные бойцы, захвативъ раненыхъ товарищей, возвратились на свои мѣста. Раненые были отправлены на перевязочные пункты, мертвые до времени оставлены на мѣстѣ. А артиллерійскій ревъ орудій все продолжалъ гремѣть, и можно было ожидать новыхъ аттакъ настойчиваго непріятеля...

Зарудный остался въ строю. Старый, бородатый фельдфебель перевязалъ ему раненый лобъ, крови изъ котораго вышло сравнительно немного, но остріе штыка процарапало лобную кость—и теперь ее сильно саднило. Павелъ Петровичъ въ этой аттакѣ потерялъ изъ своей роты выбывшими убитыми и ранеными человѣкъ пятьдесятъ, въ ихъ числѣ и любимаго имъ поручика Гурѣева, тяжело раненаго въ животъ.

Послѣ перевязки Зарудный грустно опустился въ окопѣ на камень; жалость за своихъ солдатъ, за этого молодого милаго Гурѣева невольно нагнала на него кручину и онъ задумался о многомъ...

А между солдатъ происходили свои дѣла и разговоры. Здоровые изъ нихъ перевязывали легко раненыхъ товарищей, находя духа въ такую тяжелую минуту отпускать шуточки и остроты по адресу врага.

— Тоже въ штыки лѣзетъ...—ворчалъ бородатый рядовой Безмѣновъ, перевязывая руку товарища.— Ишь, не хватило силенки вдарить какъ слѣдуетъ... Только расцарапалъ, окаянный...

— Енъ сильнѣй мотнулъ-бы... да самого его Хфедоровъ мотонулъ здорово: та-а-кого подзатыльника далъ прикладомъ, что тотъ...

— И сила-же ихъ, братцы... чертовыхъ ребятъ...

— Только-бы не отступать... нароемъ за милую душу...

— Жаль бѣднягу ротнаго, саданулъ его малость япошка...

— Да, съ такимъ командиромъ не пропадемъ: самъ впередъ идетъ... а не прячется за солдата..

По ранѣе состоявшемуся среди солдатъ и офицеровъ мнѣнію, побѣда подъ Мукденомъ была почти обезпечена за русскими; всѣ вѣрили въ нее и надѣялись разбить японскаго главнокомандующаго на-голову. Но вдругъ по русскимъ арміямъ пронесся слухъ, что японцы сдѣлали громадный обходъ по китайской территоріи и что вслѣдствіе этого вся русская армія можетъ быть окружена ихъ кольцомъ... Русскую армію сравнивали съ французской подъ Седаномъ... Многіе не вѣрили этому слуху и положительно отказывались отъ мысли объ отступленіи. Какъ, неужели и теперь придется отступать?.. Куда-же? Къ Харбину?.. Русское общество терпѣливо ждало побѣды съ самаго начала войны и вмѣсто этой ожидаемой побѣды предъ нимъ кровавой лентой протянулись наши лишенія и неудачи... послѣдовательно

тянулись несчастныя дѣла: Чемульпо .. гибель „Петропавловска“... Тюренченскій бой... Цзиньчжоускій бой.. при Вафангоу... подъ Дашичао... сраженіе при Портъ-Артурѣ... гибель „Рюрика“... гибель „Новика“... Ляоянскій бой... бой у рѣки Шахэ... сдача Портъ-Артура... и теперь—отступленіе отъ Мукдена... Войска не вѣрили въ это отступленіе, но зловѣщіе слухи носились все настойчивѣе и въ ночь на 25-е февраля былъ отданъ приказъ отступать отъ Мукдена...

Это несчастное для русскихъ отступленіе навсегда останется кровавой страницей въ военной исторіи Россіи. Въ этомъ отступленіи обнаружилось несостоятельность, недальновидность и, главное, разность нашихъ военачальниковъ, не могшихъ предвидѣть и принять лучшія мѣ ы во-в емя...

И что это за ужасное отступленіе было для русскихъ! Измученные, озлобленные солдаты ворчали и сердились на своихъ командировъ, командиры—на высшее начальство... И все это военное, перемѣшанное въ кучу, брело, бѣжало, шло и ѣхало на сѣверъ по четыремъ грунтовымъ дорогамъ. Лучше всѣхъ отступала первая армія стараго боевого генерала Линевича. „Папаша“, какъ звали генерала казаки, умѣлъ беречь и любить солдатъ, и солдаты это знали, и эта первая армія, отступая въ полномъ порядкѣ, сумѣла еще нанести большой вредъ непріятелю.

Въ этомъ ужасномъ отступленіи-бѣгствѣ, повинуясь общему теченію, находился и герой нашъ Павелъ Петровичъ Зарудный. Онъ, оторванный отъ своей части, изнуренный почти безсмѣнными боями, едва тащился, готовый упасть среди дороги. Пройдя верстъ десять отъ Мукдена по направленію къ Харбину, эти разбросанныя, разрозненныя части и повозки сбились въ кучу и тѣмъ затерли отступленіе. А сзади напирали части войскъ разныхъ родовъ оружія. И вдругъ слѣва послышались учащенные выстрѣлы... Этого было достаточно, чтобъ заторъ сдѣлался еще большимъ, невообразимымъ. „Обошли... насъ опять обошли“...—закричало, заорало, завизжало кругомъ—и въ нѣсколько минутъ все перемѣшалось еще болѣе: люди, лошади, обозы, орудія,—все это съ шумомъ, визгомъ, крикомъ двигалось, словно въ заколдованномъ кругу, и никакъ не могло разобраться... Здѣсь уже не глядѣли такъ милосердно на больныхъ и раненыхъ, да и невозможно было глядѣть—и эти несчастные, предоставленные самимъ себѣ, валялись, какъ нѣчто ненужное по дорогѣ... Въ нѣсколькихъ мѣстахъ солдаты перерубили постромки и, побросавъ на пути обозы и орудія, спѣшили на лошадяхъ удрать скорѣй изъ этого ада дальше на сѣверъ.

Плетясь по опушкѣ этой ужасной дороги, Зарудный, какъ во снѣ, едва передвигалъ ноги. Это уже не былъ человѣкъ, полный силъ и отваги, какимъ онъ поѣхалъ на войну; теперь онъ былъ похожъ на движущагося манекена. На головѣ Павла Петровича была накручена грязная тряпка, это былъ когда-то бинтъ, теперь онъ замѣнялъ утерянную папаху. Зарудный ни на кого не обращалъ вниманія, точно такъ-же и на него никто не обращалъ вниманія. Когда послышались выстрѣлы, онъ машинально повернулъ голову въ ихъ сторону и вдругъ грузно упалъ на лѣвый бокъ... Его рука сама собою ухватила раненое мѣсто, и кругомъ все завертѣлось... Онъ хрипло крикнулъ, перевернулся на спину и закрылъ глаза... а мимо его спѣшили люди на сѣверъ, чтобъ поскорѣй унести свою жизнь... Когда Павелъ Петровичъ открылъ отяжелѣвшія вѣки,—въ его глаза блеснула съ далекаго неба ярко блиставшая звѣздочка. Она манила его къ себѣ... и онъ слабо, слабо ей отвѣтилъ:

— Я сейчасъ, сейчасъ иду къ тебѣ, Дора...

И его сердце, это усталое, изстрадавшееся сердце, перестало биться, вмѣстѣ съ нимъ рухнули и всѣ надежды...

Глаза Заруднаго закрылись навсегда, словно для того, чтобъ никогда, никогда не видѣть этой чужой, проклятой Манчжуріи...

КОНЕЦЪ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Испугались. (Къ рис. на стр. 1601.) Неожиданно раздался какой-то страшный трескъ въ лѣсу. Былъ-ли то выстрѣлъ, произведенный страшнымъ врагомъ-человѣкомъ, или, можетъ быть, просто дерево сломило вѣтромъ, кто знаетъ, но семья лосей, мирно пасшаяся на лѣсной прогалинѣ и изъ-подъ снѣга достававшая себѣ скудный кормъ, разомъ снялась и бросилась въ противоположную сторону отъ того мѣста, откуда раздался трескъ. Вѣдныя животныя испугались, испугались, можетъ быть, напрасно, но осторожность вредъ принести не можетъ; напротивъ, не разъ спасала она ихъ отъ неминуемой смерти. На нее да на свои быстрыя ноги только и надежда у лосей.

Зима. (Къ рисунку на стран. 1609.) Бѣлымъ савапомъ покрыта земля. Обрывки его повисли на крышахъ полуразвалившихся избушекъ, прилипли къ полусгнившимъ бревнамъ старой, покосившейся деревенской часовни. Все какъ-бы вымерло въ деревнѣ. Пусто, жутко, тяжело.

Въ городъ. (Къ рис. на стр. 1615.) Трещитъ дѣдка-морозъ, постукиваетъ по соснамъ и елямъ, бѣлый снѣжокъ совсѣмъ запорошилъ дорогу, такъ что и не видать ея. Хорошо-бы въ такую пору сидѣть дома, грѣться на теплой печкѣ да слушать, что парнишка читаетъ въ принесенной изъ школы книжкѣ. Но мало-ли что хорошо-бы!... При нуждѣ плохо разсуждать: что хорошо, что худо, а приходится дѣлать, что нужно. Нужда вотъ заставила и въ городъ поѣхать—продать, что лишнее, купить, чего не хватаетъ...

Лихая тройка. (Къ рис. на стр. 1617.) Это была, дѣйствительно, лихая тройка. Сѣдоку не надо было ни подгонять коней, ни управлять ими. Безъ всякихъ понуканій лихая тройка такъ понесла легкія саночки вдоль по дорожкѣ, что сѣдоку впору было только сидѣть въ нихъ и стараться не вывалиться.

Бой быковъ. (Къ рис. на стр. 1625.) Въ кичащейся своею культурностью Западной Европѣ еще до сихъ поръ процвѣтаютъ общественныя увеселенія, которыя способны возбуждать только низменные инстинкты толпы. Къ такимъ общественнымъ зрѣлищамъ, несомнѣнно, слѣдуетъ причислить и бой быковъ—любимѣйшее увеселеніе испанцевъ, долгое время тамъ только и дозволявшееся, однако, со времени выставки 1889 г. разрѣшенное и въ Парижѣ. Бои быковъ, извѣстные еще въ древней Греціи и въ императорскомъ Римѣ, въ Испаніи тоже подвергались запрещенію Генрихомъ IV, но затѣмъ были возстановлены братомъ Наполеона I, Іосифомъ. Организація боевъ довольно-таки сложна. На бой съ выпускаемымъ на арену быкомъ выступаетъ сразу цѣлая кавалькада борцовъ различныхъ наименованій. Главное лицо въ бою, эспадо, или торреадоръ, назначеніе котораго убить въ концѣ боя разъяреннаго быка, появляется на аренѣ послѣднимъ. Онъ одѣтъ въ расшитый золотомъ костюмъ, въ правой рукѣ у него мечъ, а въ лѣвой мулета—маленькая обернутая шелкомъ палочка. По знаку присутствующаго въ циркѣ представителя власти на арену выпускается быкъ. На него сразу налетаютъ пикадоры и начинаютъ дразнить его уколами пикъ въ шею. Когда быку удается настичь одного изъ пикадоровъ и вонзить свои рога въ животъ его лошади, пикадоръ спасается бѣгствомъ, перепрыгнувъ черезъ барьеръ арены; чтобы отвлечь быка отъ спасающихся такимъ образомъ, являются хулосы, которые, набросивъ на голову быка шарфъ, также спасаются бѣгствомъ черезъ барьеръ. Этотъ-то моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари Редакторъ Ник. А. Каспари.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

Необходимы для домашняго употребленія. Образцовы въ конструкціи и исполненіи. Продаются только въ магазинахъ Компаніи Зингеръ.

Отпускъ машинъ съ платежомъ **отъ 1 рубля въ недѣлю.**

Безплатное обученіе шитью и модным художественнымъ вышивкамъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ! Машины съ высокимъ рукавомъ во всѣхъ нашихъ магазинахъ отъ **25 р.** 1000 соб. магазиновъ!

Магазинная вывѣска. Рисун. утв. Отд. пром. и торг. Мин. Ф.

Правленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 28, собств. домъ.

Фабричное клеймо, которымъ снабжены машины

ЧИСТОЕ ЛИЦО

получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрих

отъ

ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес налож. плат. изъ оптов. склада **Рич. Пето.** СПБ. Караван. ул. 16 кв. 9.

При растройствѣ желудка

прихимаютъ

слабительныя пилюли 48 шт. 95 коп.

Ара

Остерегайтесь поддѣлокъ!

Въ виду появившихся поддѣлокъ, прошу купить **Перуин** изобрѣт. **Р. Пето** только въ неупакованныхъ флаконахъ, чтобы убѣдиться что флак. имѣетъ этотъ этикетъ:

Флаконъ вездѣ 1 р., 75 к. или пересыл. изъ склада

Базаръ Марокъ Спб., Невскій, № 20, кв. 9.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ мѣханич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.

2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11 р.	13 р.	15 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

СТАЛЬНЫЕ голоса

16 р.	20 р.	24 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА МѢДНЫЯ ПЛАНКИ

5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.

СТАЛЬНЫЕ голоса МѢДНЫЯ ПЛАНКИ

10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-ПРОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА. УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ

12 клап.	14 клап.
9 руб.	10 руб.

4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ

14 клап.	16 клап.	18 клап.
12 руб.	14 руб.	16 руб.

5-ти ПЛАНОЧНЫЯ

14 клап.	16 клап.	18 клап.
15 руб.	17 р. 50 к.	20 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,

Москва, Срѣтенка

СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.

Прейс-курантъ безплатно.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ на Всемірной Выставкѣ въ *Парижѣ 1900 г.*

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 23. Москва, по Б. Лубянкѣ. № 8, противъ Кузнецкаго моста.

● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Рекомендуется врачами при **обычномъ запорѣ, плохомъ пищевареніи, мигрени, головокруженіи, геморроѣ, болѣзняхъ печени и запорахъ въ беременности и при кормленіи грудью и т. д.**

Доза: отъ 1 до 2 пилюль въ день.

Находится во всѣхъ главныхъ аптекахъ.

Требовать названіе:

CASCARINE LEPRINCE,

отпечатанное на каждой пилюлѣ.

Cascarine Leprince, 62, Rue de la Tour, Парижъ. 194

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го, безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой

ЛУЧШІЯ ГИЛЬЗЫ

„ФИЛИГРАНЪ“

и

„ТРІУМФЪ“

величайшей въ мірѣ фабрики торг. дома

А. КАТЫКЪ и К°

МОСКВА

ВСѢ ДАМЫ

лучшаго общества употребляютъ для лица химически чистую гигіеническую

ПУДРУ т-ва ГИГІЕНА.

Совершенно безвредна, прекрасно и незамѣтно пристаетъ, придаетъ кожѣ пріятную нѣжность и бѣлизну. Продажа при складахъ С.-Петербургской **ТЕХНО**-Химической Лабораторіи

Главный складъ: С.-Петербургъ, Лиговская, 123.—Продается вездѣ. 770

Графическое заведеніе «Родины» (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

„СВѢТЪ“

въ 1906 году

подъ редакціею В. В. КОМАРОВА.

1906 годъ „СВѢТА“ есть его юбилейный годъ, двадцать пятый годъ изданія, подъ однимъ и тѣмъ-же издательствомъ и одною и тою-же редакціей

Съ первыхъ дней изданія „СВѢТЪ“ всегда памятовалъ о широкомъ самоуправленіи и свободѣ русскаго народа, еще далеко до Рюрика имѣвшаго самоуправлявшіеся общины и города, ничѣмъ не стѣсненные въ своемъ укладѣ и подчинявшіеся лишь одной общей центральной власти, сильной и могущественной, но отеческой по своему существу, близкой и родной ему.

Но нѣкогда сильное самодержавіе, составлявшее въ Россіи гордость народную и ведшее народъ нашъ къ расширенію и славѣ, задремало, допустивъ развитіе близъ себя бюрократіи. Образовалось средостѣніе между Государемъ и народомъ и подъ вліяніемъ собственныхъ интересовъ явилось произвольное истолкованіе царскихъ указаній, поселявшее разладъ между царемъ и народомъ. Уединеніе и отдаленіе Царской власти отъ народа сдѣлали ее беззащитной отъ западныхъ государствъ и дворовъ. Явилось непосредственное давленіе на личность правителя, поддержанное невыгодными родственными отношеніями. Въ высшіе государственные и общественные слои были введены чуждыя намъ понятія о власти и народѣ и нелюбовь къ послѣднему.

Русскій народъ, создавшій себѣ потомъ и кровью громадное государство, приравненъ нынѣ въ своемъ отечествѣ къ второклассным народностямъ. Нѣмецъ, полякъ, еврей, грузинъ и шведъ нерѣдко становятся ближе къ престолу, чѣмъ русскіе. Православіе въ русскомъ государствѣ стало религіею, какъ и всѣ остальныя, не исключая язычества (ламаизма). Святость истины и непоколебимость догмата не признаются. Русскій народъ, составлявшій всегда центральную силу русскаго государства и источникъ его власти, широко покровительствовавшій всегда всѣмъ покореннымъ народностямъ и не обижавшій ихъ, никогда не помирится съ воззрѣніемъ, принижающимъ его самого и никогда не согласится занимать второе мѣсто въ своемъ собственномъ домѣ.

Положеніе православія было поколеблено указомъ 17 апрѣля 1905 года. Переставъ быть главенствующею религіею, оно перестало быть и государственной силой. Съ 1905 года историческая миссія православія въ русскомъ государствѣ какъ-бы отброшена въ сторону, съ чѣмъ также никогда не согласится русскій народъ.

Наступающій 1906-й годъ застаетъ русское государство замутившимся. Всѣ установленія государственныя въ броженіи. Рабочій вопросъ, искусственно созданный, обратилъ на время рабочихъ въ послушное орудіе анархіи. Обыкновенный разбой, по прежнимъ понятіямъ, стремится облечься въ благовидную одежду политическихъ идей. Обнаруживается явное стремленіе, къ изумленію, поддерживаемое даже въ верхнихъ слояхъ, расколоть историческое русское государство.

Но русскій народъ обратилъ всѣ ковы враговъ въ освободительное для себя движеніе. Онъ не падаетъ, а воскресаетъ и обновляется. Высочайшій указъ 17-го октября, давшій государству народоправіе, только развернетъ силы нашего народа. Уже близко время, когда народные представители всей Россіи сойдутся у трона и примутъ участіе въ законодательной государственной работѣ. Контроль дѣйствій министровъ и отвѣтственность министровъ и выборы министровъ и части государственнаго совѣта изъ состава выборныхъ людей — явятся уже сами собою, какъ логическое послѣдствіе созванія думы.

Нерушимость государственной границы, преобладаніе русской народности въ русскомъ государствѣ, преобладаніе и главенствованіе православія (необходимая реформа его близка къ осуществленію), самодержавіе, соединенное съ народоправствомъ, обновленное, созывомъ выборныхъ государственной думы, работающее вмѣстѣ съ ними, избавленное отъ наносовъ родства, бюрократіи или иноземныхъ вліяній, да будетъ свѣжею силою на благо народное.

Вотъ программа „Свѣта“ въ 1906 году. Программа эта есть единственная, которую въ наше время смуты можетъ усвоить себѣ русскій народъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою:

на годъ	на полгода	на 3 мѣс.
Съ 1-го января по 31-е декабря **4 р.**	Съ 1-го января или 1-го іюля **2 р.**	Съ 1-го января, 1-го апр., 1-го іюля или 1-го окт. **1 р.**

Гг. подписчики, которые будутъ подписываться на газету „СВѢТЪ“ и „СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ“ и посылать деньги въ одномъ конвертѣ, благоволятъ высылать:

на годъ	на полгода	на 3 мѣс.
Съ 1-го января по 31-е декабря газета и 12-ть книгъ романовъ **8 р.**	Съ 1-го января или 1-го іюля газета и 6-ть книгъ романовъ **4 р.**	Съ 1-го января, 1-го апр., 1-го іюля или 1-го окт. газ. и 3 книги романовъ **2 р.**

Письма и деньги адресовать: С.-Петербургъ, редакція „Свѣтъ“, Невскій, 136. 593

ВЫДАЮЩЕЕСЯ СРЕДСТВО.

Противъ кашля и охриплости
Противъ катарра горла
Противъ катарра бронхіевъ
Противъ катарра легкихъ

Файскія настоящія соденскія минеральныя лепешки.

Лепешки эти составляются подъ надзоромъ врачей путемъ отпариванія изъ водъ цѣлебныхъ источниковъ „Warmbrunnen“ и „Wiesenbrunnen“ курорта Соденъ у Таунуса (Германія). Въ теченіе 11-ти лѣтъ продано: **10.000.000 коробокъ.** Лепешки продаются по цѣнѣ 70 к. за коробку въ аптекахъ и аптек. складахъ. Главное депо: **„Поставщики Двора Штоль и Шмидтъ въ С.-Петербургѣ“.**

Правленіе для Россіи: Ф. Шарффъ, Варшава, Королевская ул., № 18 499

Фирма сущ. **НАШЕЛЪ!** съ 1884 г. 529

возможность увеличивать портреты почти въ натуральную величину (бюстомъ) размѣръ 30 на 40 сант., по цѣнѣ **3 р.** съ рамой. Иногородн. за 4 р. съ перес. **Художеств.** мастерская **„Свѣтопись“**, СПБ., Садовая ул., 64.

ВОСТОЧНЫЯ ПИЛЮЛИ

Pilules Orientales

Развиваютъ и укрѣпляютъ формы бюста у женщинъ и придаютъ имъ граціозную полноту, безъ вреда для здоровья. Флаконъ съ объяснительной брошюрой — 3 руб., внѣ Петербурга — 3 р. 50 к. съ пересыл. J. Ratié, pharmacien, 5, Passage Verdeau, Парижъ.

Депо въ С.-Петербургѣ у Штоль и Шмидтъ. 504

Требуйте

Цвѣточный О-де-колонъ ВЕРА-ВІОЛЕТТА

Товарищества 537

«ГИГІЕНА»

въ С.-Петербургѣ.

Главн. складъ СПБ. ТЕХНО-Химической Лабораторіи. С.-Петербургъ, Лиговская, 123.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

для домашнихъ библіотекъ по особо **УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ**

имѣется въ книгоиздательствѣ **А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.**

(1 руб.) КРАСИВО ПИСАТЬ (1 руб.)

Научитесь у каллиграфа, а не по рекламирующимся тетрадямъ. Два полныхъ курса, **200** страницъ прописей съ руководствами, стоющіе при личномъ ученіи 15 руб., высылается **ЗА ОДИНЪ** рубль. Совѣты (письменные) даю **безплатно.** Курсы существуютъ съ **1890** г. Адресовать: г. Полтава, спеціальные каллиграфическіе курсы, профес. каллиграфіи **С. ВОЛЬЧЕНКУ.** 600

Въ книжномъ складѣ изданій „Родина“.

С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. домъ, № 114, и въ его отдѣленіяхъ: 1) **С.-Петербургъ**, Садовая улица, д. № 20, третій домъ отъ Невскаго, и 2) **Москва**, Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“,

продаются слѣдующія изданія:

Королевскія Идилліи. Десять поэмъ знаменитаго англійскаго поэта-лауреата **Альфреда Теннисона** въ полномъ **стихотворномъ** переводѣ **О. Н. Чюминой** съ иллюстраціями Г. Дорэ, Райда, Мэклиза и др., съ біографіей А. Теннисона, очеркомъ его литературной дѣятельности и статьей о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола. **Единственное на русскомъ языкѣ изданіе поэмъ А. Теннисона.** Цѣна для гг. подписчиковъ „РОДИНЫ“ и „НОВИ“ безъ переплета **1 р. 50 к.** съ перес., въ переплетѣ **2 р.** съ пересылкой.

Библейскіе мотивы. Ветхій и Новый Завѣтъ. Это роскошное изданіе заключаетъ въ себѣ **232 большихъ, на библейскія** темы, рисунковъ художника Густава Дорэ и **343 стихотворенія** извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, въ которыхъ описаны событія Ветхаго и Новаго Завѣта. Спб. Цѣна за все изданіе (безъ переплета) **3** руб. съ пересылкой, въ роскошномъ переплетѣ — **4** руб. съ перес.

Божественная Комедія. Поэма **Данте Алигіери**, роскошно изданная въ новомъ, исполненномъ по спеціальному нашему порученію **стихотворномъ переводѣ** О. Н. Чюминой, удостоенномъ, по присужденію Императорской академіи наукъ, Пушкинской преміей (около 14.000 стиховъ съ **135** большими рисунками художн. Густава Дорэ, портретомъ Данте и многочисленными видами). Цѣна въ роскош. перепл. **4** руб., для подписчиковъ журнал. „РОДИНА“ и „НОВЬ“ **только 3** руб. съ перес.

ГЕРОИ ШЕКСПИРА. Общеполезное изданіе, снабженное 36-ю великолѣпными рисунками художниковъ Адама, Гофмана, Макарта, Пехта, Шверера и Шписъ, знакомящее съ содержаніемъ 27-ми главнѣйшихъ произведеній величайшаго генія человѣчества и проникновеннаго сердцевѣдца, знаменитѣйшаго драматурга Вильяма Шекспира, и дающее характеристики героевъ его произведеній. Это изданіе, дополненное біографіей и портретомъ Шекспира, чрезвычайно полезно для всѣхъ лицъ, интересующихся произведеніями этого великаго поэта, но не имѣющихъ возможности ознакомиться съ ними въ подлинникѣ. Цѣна въ перепл. 1 р. 50 к. съ перес.

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го, безъ приложеній — 15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИМА ИНДІАНЪ 769

С.-Петербургской Техно-химической лабораторіи быстро, прочно и натурально окрашиваетъ волосы въ черный, темно-русый и русый цвѣта.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Лиговская, № 123.

Продается вездѣ.

Волосы,

уходъ за ними, болѣзни и леченіе съ помощью Элеопата Пров. Кинунена. Популярная брошюра **д-ра медицины Ю. Э. Фридлендера.** Высылается желающимъ безплатно изъ главнаго склада Элеопата Пров. Кинунена: **С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13.** 365

КРОЙКѢ И ШИТЬЮ ОБУЧАЮ

въ школѣ и заочно посредств. лекц. корреспонд. дамск. и дѣтск платьевъ по методу **СОРТА.** Условія и пробн. лекц. высылаю безплатно. **Кіевъ, АШМАРИНА,** АБОН. № 15[illegible]. 152

БЕЗПЛАТНО высылается брошюра. **ЛѢЧЕНІЕ ЗАИКАНІЯ**

Ю. ЭРНСТА Москва. Чистые пруды № 138

Руководство къ самообученію 3 руб.

Слабыя въ развитіи или въ ученіи отставшія дѣти,
а также **малокровные**, себя слабо чувствующіе и **нервные** переутомившіеся, легко раздражающіеся **взрослые** всякаго возраста употребляютъ, какъ укрѣпляющее средство, съ большимъ успѣхомъ

Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ.

Аппетитъ увеличивается, душевныя и тѣлесныя силы повышаются, вся нервная система усиливается.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Требуйте только настоящій Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ и не допускайте навязывать себѣ поддѣлокъ.

Русскія былины. I) Древне-кіевскій періодъ. Съ иллюстраціями профес. В. П. Верещагина, академика М. О. Микѣшина, художниковъ В. Полякова и А. Скиргелло. II) Новгородскій и новѣйшій періоды. Съ иллюстраціями тѣхъ-же художниковъ. Цѣна каждаго выпуска отдѣльно 1 руб. 25 коп., а оба выпуска вмѣстѣ—2 руб. Это изданіе содержитъ въ себѣ всѣ извѣстныя до сихъ поръ былины о богатыряхъ земли русской и отличается вполнѣ новымъ стихотворнымъ изложеніемъ и интересными иллюстраціями.

Требованія адресуются:
въ издательство А. А. КАСПАРИ,
С.-Петербургъ, Лиговская ул., д. 114

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА. Контора редакціи журнала „Родина“ проситъ гг. московскихъ и провинціальныхъ подписчиковъ **при перемѣнѣ адреса** прилагать **старый адресъ**, по которому получался журналъ, и **28 коп.** почтовыми марками въ заказномъ письмѣ, а гг. с.-петербургскихъ подписчиковъ—тоже прилагать свой прежній адресъ и **25 коп.**

Въ книжномъ складѣ иллюстрированнаго журнала и газеты „РОДИНА“,
С.-Петербургъ, Лиговская ул., д. 114,
ПРОДАЕТСЯ
любимый публикой и расходящійся въ количествѣ около **150.000** экземпл.
ОТРЫВОЧНЫЙ

ПЕТРОВСКІЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ

на 1906 г.

(На каждый день одинъ листокъ.)

СОДЕРЖАНІЕ КАЛЕНДАРЯ-ЕЖЕДНЕВНИКА:

Восходъ и заходъ солнца. Восходъ и заходъ луны. Долгота дня. Указаніе числа дней, прошедшихъ и остающихся въ году. Имена святыхъ. Царскіе и табельные праздники. Евангелія и Апостолы на каждый день. Народный календарь. Главнѣйшія ярмарки въ Россіи. Около 825 историческихъ событій. 364 общеполезныхъ совѣтовъ. Пословицы и поговорки. Табель съ обозначеніемъ постовъ и праздниковъ. Меню обѣдовъ на каждый день.

Цѣна **сорокъ** копеекъ съ пересылкой.

ОТВѢТЪ
доктора Зарубина
на вопросъ подписчиковъ медицинскаго журнала „Будьте Здоровы“.

Головная перхоть способствуетъ выпаденію волосъ. Средство, о которомъ Вы спрашиваете, противъ перхоти и выпаденія волосъ, **ПРОВИЗОРА ПРУЖАНА**, поступило въ продажу сравнительно недавно, но мы можемъ Вамъ смѣло рекомендовать его. Мы уже нѣсколько разъ рекомендовали его въ письмахъ своимъ подписчикамъ и, судя по послѣдовавшимъ отзывамъ, это средство оказалось очень полезнымъ. Настоящія-же строки мы помѣщаемъ, расчитывая на весь кругъ нашихъ читателей. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ. Высылаются два флакона за **ТРИ** рубля. **И. М. ПРУЖАНЪ**, С.-Петербургъ, Садовая ул., **68**. 559

Только что отпечатана и продается въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ новая книга

НАМЕКИ и ОБЛИКИ

сказки **М. Ходыревой**. Цѣна 1 р
Складъ у Н. Г. Мартынова, СПБ., Александринская площадь, 5. 601

Открыта на **1906** г. подписка на слѣдующія изданія А. А. КАСПАРИ:

1) **Иллюстрированный литературный журналъ и газета „РОДИНА“**

и

2) **НОВЫЙ журналъ „НОВЬ“ съ книгами „ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“.**

Подробное объявленіе о журналѣ и газетѣ «РОДИНА» см. въ № 43 газеты.

Подробное объявленіе о журналѣ «НОВЬ» и «ВСЕОБЩЕЙ БИБЛІОТЕКѢ» см. въ № 47 газеты «Родина».

Главная контора издательства А. А. КАСПАРИ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ

ПОСПѢШИТЬ ВОЗОБНОВЛЕНІЕМЪ ПОДПИСКИ

на иллюстрированный журналъ и газету „РОДИНА“ и новый журналъ „НОВЬ“ съ книгами „Всеобщая Библіотека“,

чтобы не произошло замедленія въ полученіи первыхъ номеровъ 1906-го года, такъ какъ заготовка и провѣрка огромнаго количества адресовъ, поступающихъ въ концѣ года при подпискѣ, требуютъ отъ конторы массу труда и времени. При высылкѣ денегъ контора покорнѣйше проситъ приклеивать къ письмамъ и переводамъ **печатные адреса,** по которымъ получается журналъ, а въ случаѣ неимѣнія ихъ, писать адреса какъ можно яснѣе и разборчивѣе.

СОДЕРЖАНІЕ № 51-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“**: **Ершъ и Пыжъ.** Повѣсть кн. М. Н. Волконскаго. (Оконч.) — **Вечернія занятія.** Разсказъ С. А. Миклашевской. (Оконч.)—**Горькая доля.** Разсказъ Н. Д. Старостина. (Оконч.) — **Описаніе рисунковъ.—РИСУНКИ:** Испугались. Ориг. рис. Э. Сулиманъ-Грузинскаго.—Зима. Съ карт. В. П. Овсянникова.—Въ городъ. Ориг. рис. В. Петрова.—Лихая тройка. Съ карт. И. С. Галкина.—Всѣ быковъ. Съ карт. Р. Шокэ.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Сватовство. Разсказъ В. Жукова. —Предусмотрительный женихъ. (1 рис.)—Она похожа. (1 рис.)—Чихнулъ. (6 рис.)—Она принадлежитъ. (1 рис.)—Поспѣшилъ. (1 рис.) — Мозаика.—Перестановка буквъ № 49. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 49.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Ѳ. В. Дубасовъ. (Съ портр.)—Д. И. Субботичъ. (Съ портр.)—Къ севастопольскимъ событіямъ. (Съ 2 рис.)—Маріинскій пріютъ. (Съ 3 рис.)—Бальфуръ и его преемникъ Кемпбель-Баннерманъ. (Съ 2 портр.)—У береговъ Митилены. (Съ 2 рис.) —Берлинская бойня мясного скота.—Всемірная хроника.

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ **36** столбцовъ журнала, **12** столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“ **12** столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и **24** столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I) „Другъ Дѣтей“, № 12. II) Популярно-научная и литературная библіотека „Родины“,

„ЗНАНІЕ и ПОЛЬЗА“ 1905 г. Книга 12-я

Графическое заведеніе «Родины» (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал reduktoner
rutracker.org